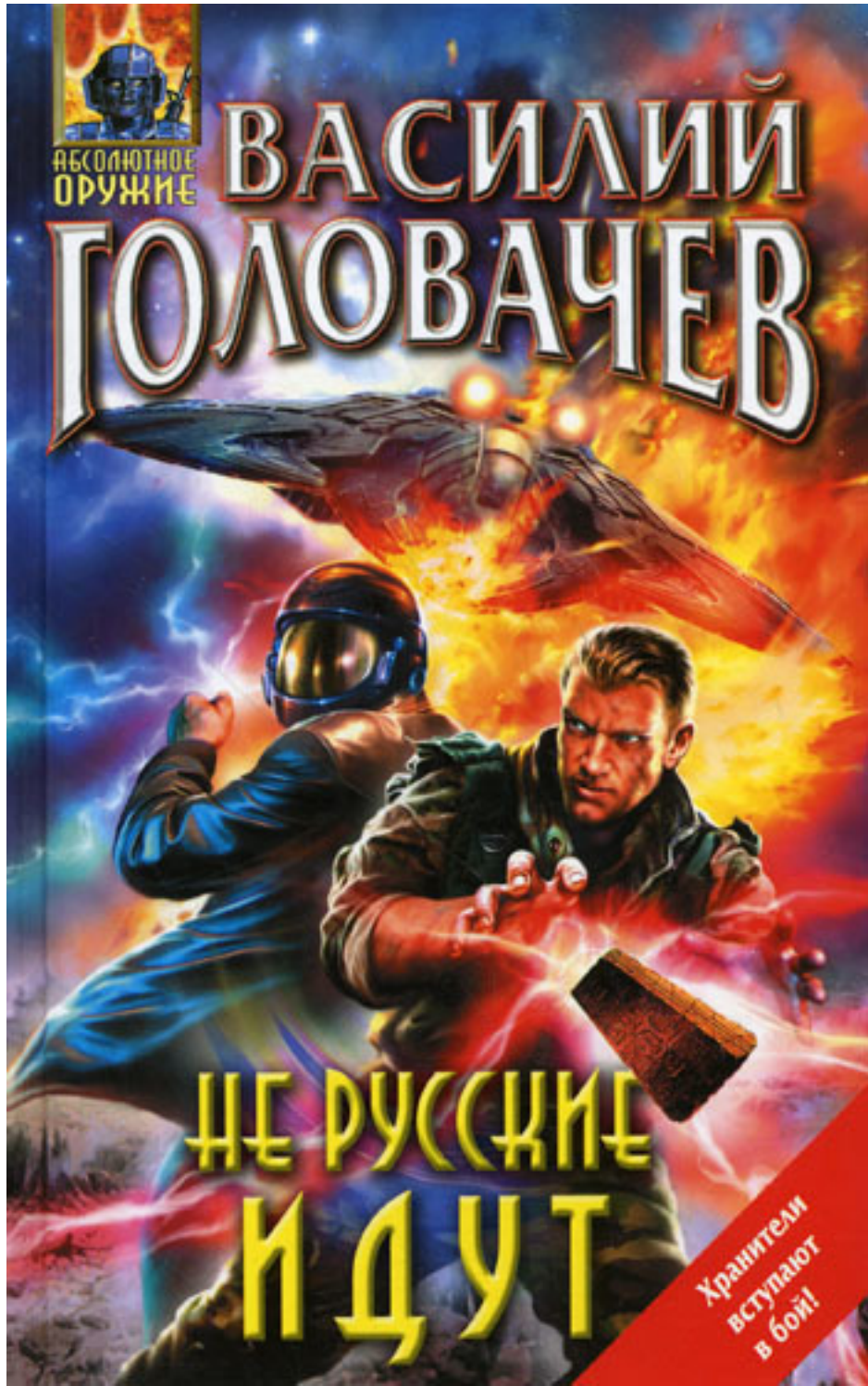

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

НЕ РУССКИЕ
ИДУТ

Хранители
вступают
в бой!

Экстазис

Василий Головачев

Не русские идут

«ЭКСМО»

2009

Головачев В. В.

Не русские идут / В. В. Головачев — «Эксмо»,
2009 — (Экстазис)

ISBN 978-5-699-34573-1

В труднодоступных районах Арктики обнаружены загадочные гигантские водяные «опухоли», противоречащие всем законам земной физики. Посланные для их изучения экспедиции неожиданно наталкиваются на серьезное противодействие. Кто-то очень заинтересован в том, чтобы про «капли», или про то, что они под собой скрывают, стало известно как можно меньше. Хранители Рода Русского, предполагая, что случившееся связано с Геократором, системой темных сил, претендующей на верховную власть на планете и уничтожение России, отправляют к артефактам лучших бойцов – Андрея Данилина, Гордея Буй-Тура и Владислава Тарасова. Но никто еще не знает, как много поставлено в этот раз на карту противниками светлого будущего Земли, как яростно они будут сражаться... Книга «Не русские идут» продолжает цикл «Экстазис», начатый романом «Беспощадный».

ISBN 978-5-699-34573-1

© Головачев В. В., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Гренландия	5
Ладомирье	8
Геократор	11
Серпухов	22
Красноярск—Чукотка	32
Благово	41
Европа. Хосово	45
Санкт-Петербург	54
Чукотка	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Василий Головачев

Не русские идут

Гренландия XXI век. 21–23 мая

Город Упернавик расположен на западном побережье Гренландии и является одним из самых северных городов планеты. Славен он не только окружающими фьордами, но и самой северной паромной переправой в мире. Это на самом деле очень красивое место, правда, с чрезвычайно суровым климатом.

Название города переводится весьма забавно – «Весеннее место», – хотя средняя температура летом здесь не поднимается выше плюс пяти градусов по Цельсию. Зимняя же на пиках холодов может опускаться и ниже минус шестидесяти. С другой стороны, когда первые поселенцы появились на побережье Баффинова залива, климат Гренландии был значительно мягче. И лишь после похолодания шестнадцатого – восемнадцатого веков Упернавик превратился в один из самых «холодных» городов Земли.

В среду, двадцать первого мая, с борта парома «Свиссун» в порту Упернавики на берег сошёл неприметной наружности гражданин с рюкзаком за плечами. По документам он значился как англичанин Майкл Браун, прибывший на Гренландию из Эдинбурга.

Май в этом году выдался тёплым, и путешественник был одет, как и все туристы, в универсальный походный костюм серого цвета.

В принципе, такие костюмы (неофициально их называли «урсами», хотя ничего медвежьего в них не было) предназначались когда-то для бойцов войск специального назначения, служащих в условиях низких температур. Потом их доработали, пустили в общую продажу, и теперь половина туристов всего мира, жаждущих экзотики на Крайнем Севере или в Антарктиде, носила удобные и комфортные «урсы».

Англичанин, ничем особенным не отличаясь от других любителей северных путешествий, терпеливо дождался автобуса, который отвёз прибывшую группу в город.

В гостинице он не то чтобы держался особняком, но особо ни с кем и не общался, лишь изредка присоединяясь к общей трапезе в ресторане.

Группа в гостинице «Инуит» долго не задержалась.

Уже на следующий день её погрузили в вездеход на воздушной подушке и повезли к самой высокой горе в окрестностях Упернавики – Инусуссак, откуда она должна была совершить трёхчасовую экскурсию к северной оконечности острова – мысу Наярсуйт.

Группа из двенадцати человек, состоявшая наполовину из молодых девиц, весело двинулась по маршруту, обмениваясь впечатлениями, созерцая поистине волшебный пейзаж.

Температура воздуха на острове уже больше недели держалась плюсовая, и путешественники могли в полной мере оценить красоту гор и каменистых холмов, чьи склоны сверкали вкраплениями минералов всех цветов и оттенков. Особенно необычными были выходы жил естественного графита, казавшиеся изделиями рук человеческих. Кроме того, таинственную атмосферу долин подчёркивала уникальная акустика, позволяющая даже шёпоту распространяться на многие километры, что не могло не повлиять на эмоции туристов.

Дошли до Наярсуйта, полюбовались крутыми ледяными обрывами фьорда и белёсым, без единой морщинки, морем, пообедали. Вернулись к вездеходу.

Гражданин Браун спрятал бинокль, с которым не расставался, и тихонько занял своё место на борту современной машины, способной преодолевать любые препятствия.

Группа вернулась в гостиницу.

Браун держался вместе со всеми, а потом незаметно исчез. В отличие от спутников, которые должны были скоро уезжать, у него были иные намерения. Попросив водителя вездехода снова отвезти его на мыс Наярсуйт, к побережью моря, Браун щедро заплатил флегматичному датчанину и договорился, что тот заберёт его через три дня.

– Хорошо, – кивнул водитель, даже не поинтересовавшись, что будет делать этот чудак один среди льдов и хватит ли ему пищи.

Вездеход, окутанный снежной пылью, умчался к югу.

Проводив его глазами, Браун открыл рюкзак и достал из него две коробки, наклейки на которых указывали, что внутри находятся консервы. Однако вместо консервов в первой коробке оказалась разборная антенна, достигшая двухметровой высоты после её развёртки, а во второй – приборчик, напоминающий необычный ноутбук с трёхмерным экранчиком и лёгкий прозрачный шлем.

Браун подсоединил приборчик к антенне и шлему, надел шлем на голову. Посидел пару минут, глядя на экран, неторопливо снял шлем и стал ждать.

Через двадцать минут с безоблачного неба послышался нарастающий тихий свист и в ледяной бугор в полусотне метров от сидевшего на камне Брауна с треском воткнулась двухметровая стрела, имеющая посередине утолщение диаметром около тридцати сантиметров.

Он подбежал к ней, посмотрел на часы: на этой широте уже начался «полярный день», поэтому солнце не садилось, а лишь чуть опускалось к горизонту. До пролёта чужого спутника, обозревающего Гренландию, оставалось не так уж и много времени, надо было торопиться.

Браун достал из рюкзака инструмент, разобрал капсулу, выпущенную с борта подводной лодки в акватории залива Мелвилла, собрал снова, но уже в виде устройства, напоминающего обод велосипедного колеса с десятком дуг, образующих остов зонтика. После этого он включил ноутбук, снова надел шлем на голову, устроился поудобнее между камнями, так, чтобы с моря его невозможно было увидеть. Подождал, глядя на циферблат часов.

Спутник пролетел.

– Запускаю, – сказал он по-английски.

– Подключаемся, – прошелестел в наушниках ответ оператора, находившегося в данный момент за несколько тысяч километров отсюда.

«Колесо с зонтиком», в котором трудно было предположить средство передвижения, вдруг плавно поднялось в воздух, зависло на несколько секунд. Вокруг него замелькали крохотные радужные проблески, форма устройства исказилась, и оно исчезло. Лишь изредка в образовавшейся «пустоте» вспыхивали светлые паутинки, указывая на присутствие в этом месте изделия из металла и пластика.

Затем вспыхивающие паутинки стали удаляться: собранный Брауном необычный летательный аппарат направился к береговым обрывам, держась на высоте двадцати метров от поверхности моря.

Засветился экранчик «видеофона», представлявшего на самом деле навигатор и устройство слежения, развернул объёмную карту местности. Жёлтый огонёк на ней указывал положение устройства наблюдения.

Браун какое-то время следил за огоньком, потом начал ставить палатку.

До «вечера» он провёл два сеанса связи с оператором системы наводки, располагавшейся в Европе, и продолжал следить за полётом «велосипедного обруча-зонтика», державшего направление на западное побережье Гренландии, точнее – на город Канак. Аппарат официально назывался «средством электронной разведки», неофициально – «одуванчиком», имел телекамеры высокого разрешения и датчики полей. Двигался он со скоростью около ста километров в час. К полуночи он должен был добраться до Канака, точнее – до американской военной базы Туле.

Однако в начале девятого произошли события, помешавшие «отдыху» туриста.

Сначала Брауна предупредили, что у побережья моря Баффина рыщут вертолёты, американские «Чинуки».

– Советую свернуть лагерь и вернуться в город, – сказал оператор связи.

Браун подумал, глядя то на небо, то на море с высоты берегового уступа, то на экранчик навигатора. Быстро собрался, свернул палатку, упаковал рюкзак. Направился к ближайшим скалам, где можно было укрыться от любопытного взгляда.

И в это время над морем показался вертолёт.

Поскольку он шёл прямо на мыс, где находился англичанин, Брауну стало ясно, что его каким-то образом засекли, хотя палатка сверху вряд ли была заметна, имея особое, поглощающее свет и радиоволны покрытие. Но те, за кем он хотел установить наблюдение, тоже обладали соответствующими системами контроля земной поверхности.

Браун спрятался среди камней за длинным ледяным валом.

Вертолёт – это был небольшой «AW 139» итальянского производства – сделал круг над берегом острова, второй, третий, сел в двухстах метрах от спрятавшегося разведчика. Из него выпрыгнули четверо солдат в серо-белой униформе американского северного контингента, сняли с плеч автоматы и направились прямо к скалам, за которыми сидел Браун. Не было сомнений, что они точно знали, где искать англичанина.

Браун оценил ситуацию в течение нескольких секунд.

Снял с плеч рюкзак, покопался в его боковом кармане, достал чёрный пенальчик величиной с ладонь, нажал на торце кнопку, спрятал пенальчик обратно. Вытащил шлем, надел на голову, покрутил рюкзак в руках, как бы ориентируя его на определённый участок неба. Сказал два слова:

– Я обнаружен.

Помолчав немного, добавил:

– «Одуванчик» на подлёте к базе, код доступа – «беркут».

После этого он вложил в рюкзак шлем, размахнулся и бросил его с обрыва.

Через две секунды раздался взрыв: рюкзак, не долетев до берега, превратился в облачко пламени, дыма и мелких осколков.

Солдаты в сотне метров от скал попадали на землю, вертя головами, но тут же вскочили и бросились к обрыву.

Браун встал на камень, поднял руки над головой:

– Я гражданин Великобритании, не стреляйте! У меня дипломатическая неприкосновенность! Прошу зафиксировать, что я не оказал...

Бегущие солдаты открыли огонь!

Они получили приказ ликвидировать «террориста», не вступая с ним в переговоры.

Ладомирье XXI век. Конец мая Владыко

На опушку леса вышел человек: высокий, седой, с сурово-величавой осанкой. В каждом его движении крылась внутренняя сила, а взгляд ясных глаз был исполнен мудрости и печали. Одет он был в белый холщовый костюм без ворота, с красным орнаментом по краям рукавов и силуэтиком летящего сокола на груди.

Перед ним на многие вёрсты простиралось болото, усеянное кочками, поросшее осокой и высокими метельчатými травами, с редкими хилыми берёзками да куртинами низких кустарников.

Однако седого это не встревожило. Он посмотрел на безоблачное синее небо, на низкое солнце – не щурясь, будто свет его не слепил, кинул взгляд на стену леса за спиной и неторопливо побрёл к болоту, обходя кочки, выбирая одному ему ведомую тропинку. Ступил на упругую губку мха, потом на кружево ряски, но не провалился в трясину, словно внезапно потерял вес, а, рассеянно оглядываясь по сторонам, легко зашагал дальше.

Так он двигался около полукилометра, почти не потревожив поверхности болота, пересёк широкое ржавое окно в кольце кувшинок и лилий, взобрался на пригорок, и перед ним вдруг невдалеке сформировался из воздуха невиданной красоты высокий светлый терем. За теремом один за другим появились другие терема и строения с двускатными крышами и резными коньками, подрагивающие в густом мареве летнего зноя.

Старик остановился, разглядывая непонятно откуда взявшееся видение, огладил седую бороду длинными пальцами, улыбнулся. Губы его беззвучно выговорили певучее слово: Ладомирье...

Послышался тихий звон, будто в центре болота проснулся колокол.

Тотчас же перед стариком объявилась светлоголовая фигурка юноши в синем кафтане. Юноша поклонился. Старик сделал ответный поклон, и они направились по соткавшейся из ниоткуда песчаной дорожке к теремам поселения.

Дивный свет за их спинами померк. Строения Ладомирья, обители волхвов и заботников Руси, были недоступны взгляду изредка появлявшихся у болота людей, и даже искусные спутниковые системы наблюдения за поверхностью Земли их не видели.

Возле центрального терема с высоким крыльцом юноша попрощался. Старик поднял глаза на крыльцо, где его ждали двое мужчин в старинных кафтанах, подпоясанные витыми шнурками с кистями на концах. Один был кряжист, с проседью в тёмных волосах. Второй, пониже ростом и потоньше, с голубым огнём в глазах. На вид ему было лет сорок, и выглядел он, как обыкновенный сельский мужичок, в меру деловитый и несуетливый. На самом деле он был витязем ВВС – Возрождённой Вечевой Службы Рода – и звался Лихарем. Спутником же его был волхв Гостомысл, наставник и заботник Рода.

Все трое поклонились друг другу.

Седой старец заговорил:

– Здравы будьте, родовичи.

– Здрав будь, Владыко, – ответили ему. – Не ждали тебя после Купалы.

– Нужда заставила, – улыбнулся в усы старик. – Пойдёмте в светлицу, поговорим.

Гость прошёл в дом, поздоровался с хозяйкой, улыбочивой и полной, прижав к щеке её ладонь.

Поднялись в «маковку» соборной комнаты терема, на самый верх, расположились за круглым деревянным столом, на красивых резных деревянных креслах.

Солнце светило в распахнутые окна соборной вовсю, но внутри было прохладно, по закруглённым углам горницы гулял слабый свежий ветерок.

Владыко оглядел обращённые к нему лица, привычно огладил бороду. По губам его промелькнула странная виноватая улыбка.

– Ухожу я, родовичи.

В светлице стало совсем тихо.

Гостомысл пригладил волосы на голове, глянул остро.

– Ох, не время... Несмотря на успокаивающие речи министров и чиновников во власти, дела на Руси далеко не блестящи. Давление Криптосистемы на души людей усиливается, зомбирующие нас силы перестраиваются, завоёвывают властные высоты...

Старик повёл рукой, останавливая волхва.

– Ты прав, заботник, нас обложили со всех сторон, завоевание Руси продолжается, чёрные туманы потянулись к детям нашим. Но и мы не стоим на месте, Владыко.

Гостомысл непонимающе встопорщил брови.

– Владыко ты, Сварг.

Седой покачал головой.

– Теперь ты. Закончу. Община живёт, растёт и укрепляется, РуНО¹ всё больше получает поддержку в глубинах народа, программа «Три-Эн» продолжает развиваться, и её уже не остановить. А я слишком стар, чтобы провидеть Замысел Вседержителя.

Снова комнатой завладела тишина.

Шевельнулся Лихарь.

– Среди властников Духовно-Родовой Общины нет надлежащего согласия.

– Знаю, потому и задержался. Но в РуНО пришли другие люди, более ответственные, имеющие канал связи с этическим Промыслом бытия, они справятся с тенденцией раскола и без меня.

– В Гренландию повадились эмиссары жрецов. Двое наших разведчиков погибли.

– Пошлите туда витязя.

– Завтра посвящение в князи Рода, – сказал Гостомысл.

– Я буду.

– В наши школы нужны учителя, – добавил Лихарь.

– Учителей тоже надо учить, чтобы они могли бороться с чужими идеологемами так же естественно и просто, как дышат. Это главная задача Общины, и вам придётся многое изменить на этом пути.

– Но без защиты нам не обойтись, без правников, витязей и людей действия.

– Разумеется, воевода. Когда на кону стоит чья-то жизнь, её надобно защищать в предельно жёсткой форме, хотя убийство – крайняя мера, заставляющая нас делать непростой выбор. Всё сотворенное нами возвращается в той или иной мере, гнев и страх тоже. Прошу прощения за стариковское ворчание. И всё же мне пора. Теперь вы будете заканчивать то, что не успел я.

– Формирование корректирующего импульса, – медленно проговорил Гостомысл, вдруг демонстрируя жест Белого волхва: пальцы огладили бородку; Сварг заметил это, глаза его лукаво сверкнули.

– Становление Державы, – почти неслышно сказал Лихарь.

– Однако нам будет тебя не хватать, Владыко, – со вздохом признался Гостомысл.

Сварг усмехнулся.

– Справитесь. Хотя... возможно, я ещё вернусь.

¹ РуНО – Русский национальный Орден.

Двое смотрели на старшего пытливо и с надеждой, и он ответил им ясным взглядом понимающего жизнь человека.

Геократор Северный ледовитый океан

Жрец Тивел, носитель сана Кондуктор Социума, правил Криптосистемой всего лишь двадцать лет с небольшим, но возраст его превышал двести десять лет, хотя при этом он выглядел на сорок: высокий, осанистый, с гривой иссиня-чёрных волос, падающих волной на шею. Тонкая талия, широкие плечи. Таких падкие на прозвища журналисты называют мачо. Однако глава Геократора женщинами не интересовался. Его влекла к себе другая половина человечества, о чём знали только немногочисленные доверенные лица жреца.

Мировой центр Геократора, системы, стремившейся управлять всем человечеством, располагался в американском штате Аризона, в долине Памятников. Правда, никто из коренных обитателей штата, а также секретные структуры типа ЦРУ и ФБР, об этом понятия не имели и долину Памятников считали чисто природным образованием. Те же, кто случайно становился свидетелями полетов «неопознанных летающих объектов» – Геократор пользовался принципиально другой техникой – или наблюдал удивительные явления природы, как правило, не спешили к журналистам. И либо быстро забывали об увиденном, либо – если начинали проявлять интерес, – вообще исчезали.

Мировой центр Геократора обладал совершенной системой маскировки и защиты, опирающейся на древние магические знания жрецов. Ни издали, ни вблизи, ни с высоты птичьего полёта или со спутниковых орбит распознать центр в скоплении каменных останцов долины Памятников было невозможно. Утечка информации из святого святых Геократора исключалась напрочь.

При этом геарх догадывался, что о существовании Мирового центра знают на другом континенте, который до сих пор не покорился влиянию Геократора. Русское сопротивление, выраженное деятельностью не менее секретных систем – РуНО и ВВС, имело свои планы относительно развития России и со всё большим упорством пресекало попытки Геократора перехватить управление государством.

Именно это обстоятельство и подвигло Тивела решиться без согласования с главой Экзократора Аротом провести запуск Водоворота Оси Мира. Много тысяч лет назад Ось венчал Храм Странствий, отражённый в мифах и легендах как вселенская гора Меру, и располагался этот пирамидальный Храм над устьем Водоворота, принадлежащего мифической Гиперборее. Впрочем, мифической она представлялась разве что «расходному материалу», как пренебрежительно Тивел оценивал народы Земли. На самом деле в прошлом Гиперборея существовала, как и Атлантида, её соперница, ныне погребённая подо льдами Антарктиды, только и называлась она в те времена иначе. Но главное, что гиперборейцы оставили наследство, ставшее достоянием жрецов, и теперь предстояло завладеть этим наследством, запустить Водоворот и стать властелином мира, возможности которого трудно было переоценить. В этом случае не Экзократор, а Геократор превращался в центр глобального мирового управления и начинал диктовать условия всем живущим на Земле. А внешнее управление, олицетворяемое Экзократором, становилось лишним.

Тивел потёр ладонь о ладонь, испытывая чувство мстительного злорадства, усилием воли успокоил сердце. Сначала надо было завершить начатое, а потом радоваться.

Тихий и незаметный, как мышь, служка принёс фрукты и соки.

Тивел накинул на себя шёлковый хитон, ласкающий кожу, вышел на балкон, искусно замаскированный под естественную нишу в скале. Перед ним с высоты четырёхсот метров открылась долина Памятников, таинственная и прекрасная, отражённая во множестве легенд и преданий. В некоторых из них о ней говорилось как о каменном саде богов.

Тивел усмехнулся. Богом он не был, представитель бессмертных жрецов, владеющих тайными знаниями древних, но власть имел большую. Долина Памятников принадлежала ему, как и сотня других владений во всех уголках Земли, люди рождались и умирали ради него, призванные исполнять его волю, и портило ощущение всевластия только одно обстоятельство: глава Экзократора, Превышний, Решатель Судеб, Манипулятор Социума, нечеловек Арот всё ещё стоял выше в иерархии глобальной системы контроля над человечеством. С этим обстоятельством пока надо было мириться и доказывать, что Геократор не нуждается в дополнительных структурах контроля.

Тивел снова усмехнулся.

Эксперимент, затеянный им помимо воли Арота, и должен был доказать, что Экзократор – лишняя надстройка над Криптосистемой. Пастухи человечества вполне могли обойтись и без неё.

В бездонном синем небе просияла золотая точка.

Тивел поднял голову, прищурился, разглядывая спутник, пролетающий над Аризоной на высоте трёхсот сорока километров, вернулся в резиденцию, имеющую несколько уровней, в том числе – жилой. Спутники с их электронными системами слежения были Мировому центру не страшны. Проникнуть своим электронным взором в толщу камня они не могли.

Москитом прозвенел вызов линии связи, защищённой не только техническими устройствами типа наноскремблера, но и магическим приёмом неслышимости.

Мысленным усилием гитар включил видеообмен.

Напротив столика с фруктами над видеомодулем соткалась из воздуха объёмная фигура лорда Акума, Великого Отца Союза тайных орденов, аббата Ла-Мервея, жреца Синедриона, резиденция которого находилась на островке Мон-Сен-Мишель у юго-западного побережья Нормандии.

Тивел знал, что лорд давно метит на его место, замыслив нечто вроде переворота, но пока что он был полезен гитару, в окружении Акума имелось много людей, верных Тивелу, поэтому на замыслы главы Синедриона можно было не обращать внимания. После того как «заработает» механизм Водоворота на Северном полюсе и Храм Странствий снова поднимется в воздух и даст доступ к иным мирам, власти Тивела ничто уже не будет угрожать. Во всяком случае? сам он рассчитывал именно на этот результат.

– Гитар, – склонил голову Акум.

Его загорелое жёсткое лицо не отражало никаких чувств, лишь мерцавший в глазах огонёк самодостаточности говорил собеседнику, что лорд подчиняется ему исключительно из вежливости, соблюдая субординационный ритуал.

Тивел знал также, что лорд Акум презирает всех без исключения, полагая себя «высшим» существом, и прощал ему эту слабость, поскольку сам был не лучшего мнения о людях.

– Лорд, – кивнул он, что означало приветствие.

Акум заговорил не на английском или французском, а на древнем «сорочьем» языке.

– Всё готово, гитар. Можем начинать.

Тивел бросил взгляд на комбинацию индикаторов модема: Акум говорил не из своей резиденции, в настоящий момент он находился в Гренландии, на мысе Муюю, под скалами которого начинался спуск в систему тоннелей, созданных гиперборейцами ещё тринадцать тысяч лет назад.

– Хорошо, буду через два часа. Обстановка?

– Всё чисто. Ни малейшего намёка на скрытое движение.

– Что, и в РуНО никто не знает об эксперименте?

Лицо Акума осталось подчёркнуто бесстрастным.

– Мы закрыли все «окна»? гитар. – Речь шла о системе защиты секретности акции. – Никто ни о чём не догадывается. В России работает наш агент...

- Лукьяневский?
- Мандель.
- Вы заменили агента?
- Нет, архимандрит Лукьяневский заменил Етанова. Мандель – магистр Ордена Раздела, паладин Звезды Изначалия...
- Один паладин у нас уже был – Джеральд Махаевски.
- Акум поджал губы.
- Мне он не подчинился. Махаевски всегда подчёркивал, что служит только вам.
- Тивел покачал пальцем.
- Махаевски был вашим протеже, лорд. И он сильно облажался в России. – Слово «облажался» Тивел произнёс по-русски. – Однако не будем вспоминать старое.
- Акум растянул узкие губы в подобие улыбки.
- У русских есть хорошая пословица: кто старое помянет, тому глаз вон.
- Тивел кивнул, хотя он хорошо знал продолжение пословицы: а кто забудет – тому оба.
- Ждите, лорд.
- Изображение жреца Синедриона растаяло.

Тивел задумчиво побарабанил пальцами по толстой прозрачной столешнице, внутри которой загорались и гасли зелёные и жёлтые огоньки, свидетели тайной работы защитных устройств, и стал переодеваться. Через полчаса он появился в транспортном павильоне центра, упрятанном внутри каменного останца километровой высоты, в самой его верхушке. Там располагался парк раман и виман – «летающих тарелок», созданных ещё во времена расцвета Атлантиды. Люди на Земле знали их под аббревиатурой НЛО (изредка полёты виман прослеживались земными радарам, да и очевидцы находились), а в России даже родился термин – энлоиды.

Личная рамана гварха очертаниями напоминала хищного зверя – даже не птицу. Но увидеть её можно было только здесь, в транспортном эллинге центра, так как при полётах в атмосфере Тивел накрывал аппарат зоной непрогляда, магического слоя осциллирующий воздуха, в котором «вязли» лучи света. Сама же рамана никаких волшебных свойств не проявляла, будучи сугубо техническим приспособлением для преодоления больших расстояний в воздухе или в космосе. Принципы её движения опирались на «нормальные» физические законы, которые людям ещё только предстояло узнать.

Впрочем, многие блестящие умы на планете уже вплотную подошли к обнаружению свойств пространства и вакуума, позволяющих овладеть гравитацией и безинерционным маневрированием, что и демонстрировали раманы. В России даже испытали нечто вроде энлоида, настроение у Тивела падало при воспоминании об этом. Несмотря на все усилия жрецов, заинтересованных в сохранении тайн древних цивилизаций, остановить изобретателей-одиночек было трудно. Процесс разгерметизации эзотерических знаний продолжал развиваться.

В эллинге бесшумно объявился телохранитель гварха, которым он гордился: после двухтысячелетних попыток повторить опыт Творца жрецам удалось создать баревра – существо, во многом превосходящее человека по физическим возможностям, и Тивел немало поспособствовал этому, будучи великолепным биологом и антропологом.

К сожалению, во время опытов генетически модифицированные особи иногда сбегали от экспериментаторов, пугая людей, отчего службе сохранения секретности Геократора пришлось всерьёз заняться разработкой достоверной легенды о снежном человеке. Люди охотно верили в существование йети,² абсолютно не догадываясь, что многие зафиксированные видеорекамерами

² Подобные создания получили множество прозвищ у разных народов мира: бигфут, аламас, йерен, каптор, метох, саскавач и т. д.

и фотоаппаратами встречи с гоминидами отражают на самом деле реальные факты встреч с бареврами или, как модно было называть такие искусственные создания, с киборгами.

Баревр – широкоплечая громадина ростом под два метра – поклонился Тивелу.

– Летим, Реллик, – сказал gearx.

Баревр молча шмыгнул в открывшийся люк на боку раманы. Несмотря на габариты и массу, сделал он это легко и ловко, чуть ли не «размазываясь» от скорости, что подчёркивало его физические кондиции.

Тивел ещё не видел телохранителя в реальном деле, но смотрел видеоотчёты испытаний баревра и был уверен, что эта человекообразная «машина» сумеет справиться с любым вооружённым до зубов противником. В принципе телохранитель был ему не нужен, он и сам мог постоять за себя и как воин, и как маг. Но с телохранителем за спиной gearx чувствовал себя уверенней, к тому же он был ему почти как сын, что вызывало приятные чувства.

Личная рамана Тивела отличалась от стандартных «тарелок» не только внешним видом, но и внутренним убранством. В её кабине могли расположиться сразу шесть человек, а багажный отсек вмещал до пяти тонн груза. Правда, отсек этот не использовался как грузовой, зато в нём располагалось несколько систем вооружения, в том числе зенитно-ракетный комплекс «Тор-2М» российского производства и ракетный комплекс класса воздух—земля «Блэк эйприкот», укомплектованный ракетами, способными нести небольшие ядерные заряды. Тивел использовал этот комплекс лишь дважды – в Ираке и в Зимбабве, но готов был применить в любом другом регионе мира, появившись причина. Впрочем, он мог нанести ракетный удар и не имея на то объективной мотивации, а соблазн «наказать» своих противников из Русского национального Ордена владел им давно.

Баревр по имени Реллик сел справа и чуть сзади хозяина.

Тивел занял место рядом с пилотом, таким же баревром, только помоложе и попроще.

Купол кабины стал прозрачным.

Водитель посмотрел на gearx.

– Гренландия, – бросил Тивел.

Зашелестели гироскопы, формирующие поле инерции, которое служило зародышем деформационного вектора вакуума.

Рамана плавно поднялась под купол эллинга.

В куполе открылся люк. В элинг брызнул дневной свет.

Рамана скользнула в люк, вознеслась над вершиной останца, действительно напоминающего гигантский выветрившийся монумент.

Повисев над останцом, внутри которого пряталась резиденция Мирового центра, пока проходило тестирование систем защиты – автоматы оценивали обстановку и докладывали компьютерам защиты об отсутствии каких либо угроз центру, – рамана, невидимая со стороны, устремилась в безоблачное белёсое небо Аризоны. Достигнув высоты в тридцать километров, она резко изменила направление движения, как настоящий НЛО, повернула на северо-восток и набрала скорость. Судя по перехваченным следящими системами разговорам военных США, раману не фиксировали радарные системы штатов, над которыми она пролетала.

Полёт до Гренландии длился всего один час: рамана легко достигала скорости в десять тысяч километров в час.

Тивел, рассеянно перелистывающий старинные манускрипты (библиотека Геократора насчитывала более ста тысяч сохранившихся раритетов с доегипетских и доинкских времён), что он делал всегда во время долгих перелётов, посмотрел на приближающийся остров.

Несмотря на то что Гренландия стала одним из туристических регионов мира, куда ежегодно стекались тысячи любителей экстремальных путешествий, большая её часть оставалась не освоенной людьми. Поэтому службе безопасности Геократора пока удавалось держать в тайне свой интерес к острову, на северной оконечности которого, в окрестностях Уманака, был

обнаружен около ста лет назад вход в сеть тоннелей, прорытых гиперборейцами во времена существования северного материка – Арктиды. Точнее – архипелага Арктиды, состоящего из четырёх больших островов и множества мелких, погружившихся на дно океана более одиннадцати тысяч лет назад.

С открытием самой Гренландии были связаны десятки легенд и преданий. По одним из них первым европейцем, ступившим на эту землю, являлся знаменитый викинг Эрик Рыжий, осуществивший беспримерный поход на запад в девятом веке нашей эры и давший название острову – Гринланд. Этот топоним порождает и порождает массу вопросов наподобие такого: почему Гренландия названа именно так – «Зелёная страна», – в то время как остров на девяносто процентов покрыт льдом и снегом?

По другим легендам, Гренландию открыли исландцы, высадившиеся на восточном берегу острова во втором веке новой эры.

Высаживались на нём и ирландские монахи в шестом веке, занесённые в эти края штормом, и другие мореходы Западной Европы.

Но все эти версии не волновали Тивела. Он точно знал, что остров был открыт гораздо раньше, до христианской эпохи, и его не зря называли на латинский манер – Ультима Туле. Хотя прародиной топонима была Гиперборея, располагавшаяся чуть севернее.

Рамана миновала Аванерсуак, стала снижаться.

Городок находился в полутора тысячах километров от южного Нуука, в одном из наиболее труднодоступных районов полярных широт мира. Даже в нынешние дни в Аванерсуак попасть совсем непросто. Впрочем, как и к более северным поселениям Гренландии – Канаку и Нору. На руку жрецам и посланцам Тивела было и присутствие возле Аванерсуака и Канака американских баз. Сами же жрецы имели всё необходимое для скрытого подхода к Пасти – как они называли вход в систему тоннелей, – расположенной в двадцати четырёх километрах от Канака.

Рамана пролетела над заливом Мелвилла, берег которого представлял собой огромный ледяной обрыв, считавшийся самой высокой и длинной ледяной стеной в Северном полушарии Земли.

Над стеной крутились два пятнистых вертолётки американских военных, но их пилоты не заметили стремительно проскочившего мимо летательного аппарата геарха.

Показалось скопление серых конусовидных, стилизованных под эскимосские яранги строений в понижении ледяного берега, стоящий рядом оранжевый вертолётчик, мотосани, бочки и контейнеры. Здесь проживали туристы, которым гренландская туркомпания организовала охоту на моржа и проживание в фольклорном поселении инуитов, местных жителей.

Рамана скользнула к сопкам, округлые каменные вершины которых вылезли из-под ледяного щита восточнее Канака, нырнула в расщелину, пересекавшую снежно-ледяной горб. Остановилась она буквально в сантиметре от каменной стены, без всякого снижения скорости. Инерция ей была не страшна.

Водитель посмотрел на Тивела.

– Хорошо, – сказал геарх, давно привыкший к таким манёврам. – Жди.

В боку раманы открылся люк.

Тивел вылез на каменную площадку перед овальным зевом пещеры, обозначенным тусклыми алыми огоньками. Вблизи он, окаймлённый острыми клыками выступов, действительно напоминал пасть апокалиптического зверя.

Геарха встретили двое: лично лорд Акум и магистр Кадум Чоловс, помощник верховного жреца Синедриона, мрачная бородатая личность, одевающаяся с подчёркнутым пренебрежением к моде. Вот и сейчас на нём была невообразимая мешанина из рубах, безрукавок, пиджака, мятых штанов горчичного цвета и шарфа, обматывающего толстую шею. В то время

как Акум одевался шегольски и мог бы хоть сейчас предстать перед королевой Великобритании.

Оба поклонились гитарху.

Тивел ответил кивком, оглянувшись на зыбкий силуэт раманы.

– За мной, Реллик.

Акум широко зашагал в глубь тоннеля, с виду никем не охраняемого, косясь на двинувшегося следом Тивела.

С лязгом за ними опустилась толстая металлическая плита, отрезавшая выход наружу.

Разумеется, Пасть охранялась не хуже американского Форт-Нокса с его золотом, однако ледяная пустыня в этом районе острова казалась мёртвой и неподвижной. Все охранные системы, люди, аппараты, оружие – прятались в скалах и во льду, накрытые маревом *непрогляда*.

Внутри Пасть представляла собой продолговатую пещеру с грубо обработанными стенами и полом. Это сделали ещё первооткрыватели тоннеля, до появления посланцев жрецов и самого Тивела. Им пришлось здорово попотеть, чтобы расширить расселину и убрать упавшие со свода груды камней.

В центре стоял ряд ажурных металлических колонн, поддерживающих балки, на которые теперь опирался свод пещеры. Это уже отметились современники Тивела, заменив обветшавший за сотню лет крепёж.

Рядом с колоннами красовались три виманы, совсем небольшие, на четырёх пассажиров. С их помощью жрецы и путешествовали по сети гиперборейских тоннелей, протянувшихся под материками Земли на тысячи километров. Многие из тоннелей за прошедшие тринадцать тысяч лет обрушились, стали недоступными. Многие заполнились водой. Однако жрецам удалось отыскать сохранившиеся, те, что вели под океаном к Северному полюсу, к устью Водоворота, в настоящее время заткнутому опустившимся Храмом Странствий.

Тивел, мечтавший запустить механизм Водоворота и овладеть доступом к порталам Храма, почувствовал волнение. Покосился на Акума, почтительно ожидающего, пока он займёт место в вимане.

В отличие от гитарха, лорд Синедриона был молод, горяч, несмотря на внешнюю сдержанность, и не сомневался в праве повелевать и делать всё по своему усмотрению. Его амбиции, наверно, не уступали амбициям гитарха, а может, и превосходили их.

Расположились в тесной кабине летательного аппарата.

Телохранитель с трудом втиснулся на заднее сиденье.

Акум бросил косой взгляд на пилота.

Пожилой монах, служитель какого-то Ордена, поднял аппарат в воздух.

Вимана устремилась в тоннель, освещённый редкими красными лампочками в потолке, установленными недавно.

Тоннель уходил под землю наклонно и напоминал ребристыми стенами тоннель метро, только без рельсов и шпал. На глубине километра он уткнулся в другой тоннель, ещё более широкий, уже без ламп освещения, и вимана повернула направо, увеличив скорость.

В принципе она являлась продуктом вполне реальных технологий, хотя и существовавших тысячелетия назад, и была сделана из «нормальных» материалов, в основном композитного свойства, да и систему управления имела не отличимую от современных, компьютеризированную, хотя опять же – в соответствии с технологиями древних гиперборейцев, поэтому автоматика позволяла ей не бояться непродуманных действий пилота, ведущих к авариям. Но Тивел всё же подстраховывал полёт энлоида ясновидением на уровне «умолчания» и потому мог быть спокоен.

Тоннель достиг глубины в четыре километра и пошёл дальше прямой и ровный как стрела. Лишь однажды он пересёкся с другим коридором, промелькнувшим почти незаметно

для пассажиров, и в конце концов привёл аппарат к пещере, в которой располагался терминал Инициатора Оси Мира, как его благоговейно называли люди, сподвижники жрецов.

На весь путь длиной около двух тысяч километров вимане потребовалось всего двадцать минут. И на всём протяжении тоннель был тёмным и пуст, проложенный в твёрдых горных породах с такой лёгкостью, будто его создатели работали не с камнем, а с желе.

Стены тоннеля не обрабатывались, он не предназначался для путешествий по нему людей, но и в таком виде грандиозная сеть тоннелей, длина которых достигала ста тысяч километров, впечатляла даже магов Геократора.

Вимана остановилась перед металлической стеной, преградившей путь.

Вспыхнули осветители, выгоняя мрак из тупика.

В стене зажглись вертикальные алые огни, в её центре возникла щель. Стена с гулом начала раздвигаться.

Поскольку жрецы были уверены, что сюда никто из живущих на Земле никогда не доберётся, пост внешней охраны отсутствовал. Достаточно было отпугивающего заклинания чёрной навети, не допускающего людей ко входу в терминал.

Щель в стене достигла пятиметровой ширины.

Вимана скользнула в неё и оказалась в большой круглой пещере, освещённой двумя десятками светильников.

Разумеется, электрическая линия передач с поверхности Земли сюда дотянуться не могла, поэтому источником энергии был вакуум-генератор, такой же, какой и на виманах, только на порядок мощней. До последнего времени технология создания таких генераторов являлась только прерогативой жрецов, имеющих доступ к знаниям давно исчезнувших цивилизаций, но в России – Тивел снова испытал приступ раздражения – уже появились гениальные изобретатели, раскрывшие секреты вакуума, что не могло не тревожить главенство Союза тайных Орденов мира. Знания, а с ними и власть начинали потихоньку ускользать от «пастухов» цивилизации, и этому следовало помешать.

Эксперимент по включению Водоворота, задуманный gearхом, должен был продемонстрировать всем, кто на Земле главный!

Вимана опустилась на иссечённый трещинами, слегка влажный пол пещеры.

Сказывалась близость воды: над пещерой всего в двухстах метрах располагался Северный Ледовитый океан. Ось Мира, которую олицетворяла ось вращения Земли, гигантский тоннель, соединявший полюса через ядро планеты (по утверждениям сохранившихся источников), и служащий для питания Водоворота терминал отделяло всего двадцать километров.

Сам терминал – как понимали его профессионалы-технологи и специалисты в области управления – занимал большую часть пещеры: ажурный пояс конструкций, склонившийся над пятидесятиметрового диаметра кратером в центре с выступающим из него прозрачным горбом не то слюды, не то какой-то кристаллической породы наподобие горного хрусталя.

На самом деле это был водяной горб, подчиняющийся иным физическим законам, в результате чего поверхностное натяжение воды здесь превышало естественное в сто раз. Разумеется, подобное состояние воды поддерживалось специальными генераторами и магическими заклинаниями, играющими роль законов.

А на вершине водяного горба стоял, не проваливаясь, небольшой, величиной с человеческую голову, многогранник, слепленный из текучего жидкого огня. Многогранник то темнел, то светлел, меняя геометрическую форму от куба до икосаэдра, свечение внутри него пульсировало, и в такт с этой пульсацией содрогался весь водяной горб диаметром в двадцать и высотой в десять метров.

Тивел задержал на многограннике взгляд.

Это был анх, или Ключ Храма Странствий, способный запустить Водоворот в центре Северного Ледовитого океана при определённом стечении обстоятельств. Ему было больше

пятнадцати тысячелетий, и о нём мало кто знал даже из посвящённых в сакральные тайны Гипербореи. Хотя отзвуки изначальных событий при его создании и сохранились в мифах и преданиях под названиями Алатырь-камень, Кристалл Вечной Жизни, Пекло-камень, Камень Силы, Чимбулатов камень, по легендам исполняющий одно желание. В руках жрецов он оказался совсем недавно, всего сорок пять лет назад, благодаря их упорным исследованиям сети тоннелей под океаном. И теперь от его включения зависело, сможет ли Геократор, а с ним и верховный жрец Криптосистемы, заявить всему миру о смене власти.

Ключ просиял чистым изумрудным светом.

Водяной горб под ним покрылся красивой интерференционной рябью мелких волн.

– Хорошее предзнаменование, – пробормотал Акум за спиной Тивела.

Геарх покосился на него, встретил равнодушный взгляд телохранителя. Баревра не интересовало происходящее в зале терминала, и о будущем он скорее всего никогда не задумывался.

– Подожди здесь, Реллик.

Телохранитель кивнул.

Тивел направился к мостику, перекинутому через ажурную стену генератора инициации, к площадке над кратером, на которой располагались все главные вариаторы управления и контроля. Работу этих устройств координировал быстродействующий компьютер, подчиняющийся особой программе. Рассчитал же программу блестящий математик и программист польского Ордена Возвращения Мощи Вацлав Качиньски, лауреат Нобелевской премии по математике. Работать на Союз тайных Орденов он согласился без каких-либо возражений и условий. Ему было всё равно, какую программу рассчитывать: войны или мира, улучшения условия жизненных условий где-нибудь в Африке или уничтожения какого-либо этноса в Азии с помощью генетически модифицированных продуктов питания.

Тивел жаждал с его помощью в ближайшее время создать программу падения рождаемости и увеличения смертности в России, которую он люто ненавидел.

Перед ним соткалась из воздуха и пропала лучистая корона – знак магической защиты терминала управления.

Тивел качнул пальцем, нейтрализуя её, шагнул к мостику.

Площадка нависала над краем кратера и была огорожена сеткой с поручнем.

Главный вариатор управления: специальный стол, сенсорные панели, системы датчиков, опухоль компьютера с рожками мысленного съёма, резервная тастатурная клавиатура, объёмный экран компьютера размером два на три метра занимал большую часть площадки.

За столом сидел Вацлав Качиньски в сером балахоне, рыжий, тщедушный, с кротким бледным личиком, на котором выделялись большие, с длинными «женскими» ресницами жёлтые глаза. В моменты увлечённого творческого поиска они становились совсем прозрачными, и тогда Качиньски вообще переставал что-либо слышать и видеть.

Кроме координатора, на площадке сидели ещё три оператора с наушниками на бритых головах, обслуживающие свои системы. Жрец, контролирующий их работу, располагался в особом кресле на возвышении. Он подчинялся непосредственно Тивелу и знал досконально все детали эксперимента. Звали его коротко – Орк. Заросший волосами чуть ли не по брови, угрюмый, тучный, коротконогий и длиннорукий, он и в самом деле напоминал мифического орка.

Орк неуклюже слез со своего «королевского» возвышения, склонился до пола.

Качиньски оглянулся, стащил с головы дугу с наушниками, помахал рукой:

– Шеф, мы готовы.

Тивел спрятал усмешку, подошёл к программисту. По-видимому, бывший брат Ордена Возвращения Мощи так до конца и не усвоил, на кого именно работает. Жрецов, владеющих

магическими приёмами, он жаловал ничуть не больше, чем юзеров, которым было недоступно «высшее» знание принципов работы компьютера.

Тивел сел на место Орка, обратил взор на стену пещеры за кратером, из которого выростал водяной горб.

В стене виднелся десятиметрового диаметра металлический щит, состоящий из шести сегментов. Это был своеобразный люк в тоннель, ведущий к Водовороту, созданный с помощью вполне реальных земных механизмов. Сотни людей осторожно рыли его в течение тридцати с лишним лет, пока тоннель не подошёл вплотную к Устью Водоворота, в котором, как пробка в горлышке бутылки, торчал «выключенный» Храм Странствий.

Несколько лет жрецам понадобилось для установления в тоннеле особого магического инициатора, способного направить в сердце Храма луч силы. В других пяти тоннелях, подходивших к Водовороту с пяти сторон, были установлены отражатели силы, предназначенные стать вакуумными зеркалами и не выпустить за пределы Устья ни кванта энергии.

Тивел ощутил всю торжественность и одновременно ответственность момента.

У него вспотели руки.

Мелькнула мысль связаться с Аротом и пригласить для участия в эксперименте. Всё же риск был велик, а неудача могла стоить гварху не только положения, но и жизни. Однако звонить Ароту было всё равно что признаваться в своей неуверенности и слабости, и Тивел отогнал эту мысль. Успокоился с помощью привычной мысленной скороговорки древнего утешения, подал знак Акуму:

– Начинайте.

Жрец Синедриона хлопнул Качиньски по плечу, что-то проговорил неразборчиво, обращаясь, наверное, к своим помощникам, обеспечивающим его личную безопасность; на горле у него виднелась родинка НР – рации с приставкой «нано»; при всём своём умении поддерживать мысленную связь с любым человеком лорд не забывал подстраховываться.

Качиньски натянул на голову дугу с наушниками, сосредоточился на экране компьютера, на котором засветилась схема предстоящего эксперимента.

В пещере тьякнул колокол предупреждения.

Движение замерло.

Немногочисленные технические работники и обслуживающий персонал инициатора попрятались по закоулкам пещеры.

С потолка на кратер опустились на тросах стеклянные с виду стержни, образовали над водяной опухолью нечто вроде беседки без крыши.

К многограннику Ключа, засиявшему сильнее, протянулась длинная суставчатая рука манипулятора, обхватила «пальцами» основание артефакта.

Акум и Качиньски одновременно посмотрели на Тивела.

Гварх в свою очередь пристально посмотрел на Ключ. Ему не понравилось, что многогранник ангха к основанию потемнел ещё больше. Хотя вёл себя при этом спокойно.

– Все системы функционируют нормально, – доложил гулкий металлический голос.

Тивел снял с шеи цепочку с талисманом тайной власти жрецов – когтем дракона Ву, пронзённым алмазной иглой, положил на ладонь, направил острие когтя на пирамиду Ключа.

Внутри когтя проснулась *сила*. Он оделся слоем алых искр, задымился, потёк струйками сияния.

Сияние собралось в пушистый шар, начавший расти в диаметре.

В ушах Тивела вдруг зазвенело: сознание отреагировало на чей-то мысленный вызов.

«Стратег, прекратите запуск! Вы не сделали главного – не сориентировали менгиры и сейды в лексему *разрешения!*!»

«Превышний! – оскалился Тивел. – Вам всё-таки доложили».

«Стратег, вы допускаете большую ошибку! Инициировать Водоворот в настоящий момент нельзя, рано!»

«Поздно, ваше Первейшество! Я это уже сделал!»

Шар пушистого пламени на ладони Тивела вытянулся мордой зверя, и геарх запустил этот огненный «протуберанец» в текучий многогранник Ключа.

Произошло нечто вроде короткого замыкания.

Точнее, при попадании «протуберанца силы» в многогранник из него вырвались десятки неярких синеватых молний, с треском вонзившихся в пол, потолок и стены пещеры.

С потолка посыпались камни.

Кто-то закричал.

Но Тивелу было не до эмоций наблюдателей.

Сегменты люка в стене начали раздвигаться.

Манипулятор начал поднимать Ключ, а вслед за ним потянулась и водяная колонна, не желая отсоединиться от многогранника. С его вершины сорвалась яркая жёлто-лимонная молния, ударила в глубь открывшегося тоннеля.

Водяной бугор в кратере закипел, поднялся фонтаном вверх, охватывая ангх, и с гулом устремился в тоннель.

Вода проходила сквозь стеклянную «беседку», окрашиваясь в чисто изумрудный цвет, поэтому казалось, что в тоннель течёт расплавленная изумрудная масса.

Тивел сосредоточился на талисмানে. Теперь надо было сделать так, чтобы вместе с водой *сила* вошла в кольцо на дне океана, венчающее Водоворот, инициировала древний генератор *изначального формирования* пространства и заставила его поднять Храм Странствий надо льдами и водами Северного Ледовитого океана.

Ключ освободился от слоя воды, поднялся выше.

Тивел улыбнулся.

И тотчас же с когтя талисмана сорвалась алая искра, вонзилась в основание многогранника. Но вместо того, чтобы подпитать его, искра разбилась на множество дымных струек, посыпавшихся с многогранника вниз, на поток воды. Одна из струек попала на стеклянный стержень и легко проела его, превратила в такую же дымную струю.

Спустя мгновение начали дымить и расплываться остальные стержни.

Поток воды забурился, вспенился, тихий гул его сменился угрожающим бульканием и хлопотанием.

Руку свело.

– Дьявол! – выговорил Тивел, кусая губы.

Акум, занявший место одного из технических операторов, побледнел, оглянулся на геарха.

Заёрзал и Качиньски, следивший за развитием процесса инициации по монитору.

Тивел оскалился, напрягаясь, направляя на пирамидку Ключа дополнительные разряды силы.

Однако стихия магических взаимодействий уже вышла из-под контроля жреца, и сила перестала уноситься с потоком изменённой воды полностью.

Молнии брызнули из пирамидки во все стороны, заскакали по ажурному поясу вакуум-зеркал, с шипением вонзаясь в воду. Одна из них, отразившись от щита, ударила по манипулятору, державшему ангх.

Металлический сустав переломился как спичка, и пирамидка рухнула в водяную гору, стала погружаться в неё, чернея, окутанная молниями и струями пара.

Яростный грохот потряс пещеру.

С воплями операторы начали разбегаться кто куда.

Тивел, раздувая ноздри, тщетно пытался с помощью мысленно-волевого манипулирования вытащить из воды анх и прекратить эксперимент. Погасший окончательно Ключ его уже не слушался.

Поток воды подхватил многогранник, остановивший свои трансформации на форме пирамидки, швырнул в тоннель инициатора.

Вода заполнила кратер, достигла края кольца отражателей и хлынула на пол пещеры, снося колонны и всевозможные постройки.

– Что происходит?! – крикнул Акум, озираясь.

Площадка начала скрипеть и покачиваться, готовая рухнуть в прибывающую воду.

Тивел оглянулся.

Пещера, освещённая только одним прожектором, быстро заполнялась водой. Стало ясно, что исправить ситуацию не удастся. Ключ Храма исчез, влекомый потоком воды, и даже *сила* талисмана не могла его вернуть.

– Реллик!

Телохранитель, не сводящий преданного взгляда с хозяина, понял призыв, прыгнул к вимане.

Аппарат геарха открыл дверцы, взлетел.

Тивел, владеющий левитацией, поднялся над площадкой, направляясь к вимане.

Акум сделал то же самое, торопясь занять место в кабине.

– Сначала он! – оттолкнул его Тивел, кивая на не знающего, что делать, Качиньски.

Жрец, побледнев ещё больше, нырнул обратно на площадку, подхватил тщедушного компьютерщика и подбросил в воздух, так что тот головой влетел в кабину виманы.

Тивел занял место рядом с водителем.

Акум рухнул на заднее сиденье.

– А я, господин?! – завопили в один голос Орк и Чоловс.

– Здесь есть ещё летуны, – показал губы Акум. – Ищите и догоняйте.

Вимана геарха рванулась к выходу из пещеры.

Волна клокочущей воды накрыла отражательное кольцо инициатора, стала разливаться по громадному залу.

Тивел представил выражение глаз Превышнего, и ему на мгновение стало зябко.

Серпухов Данилин

Данилину исполнилось сорок восемь лет.

За два года, истекшие с момента столкновения с магистрами и жрецами Союза тайных Орденов мира, он стал витязем Рати Рода Русского национального Ордена (РуНО), возглавил ГОР – группу оптимизации рисков военизированной структуры РуНО, имеющей название «суд отложенной смерти» – СОС, и смог приблизиться вплотную к состоянию мастера жизни, какими были волхвы.

СОС, при всей своей одиозной высокопарности, рассматривал себя как порождение внутреннего времени российского суперэтноса, психического хранителя народной духовности, и ставил целью не только и не столько террор в отношении подонков, убийц, коррупционеров и негодяев всех мастей, сколько в первую очередь формирование такого вектора развития событий, чтобы исчезали стимулы античеловеческого поведения и максимально сохранялась структура и естественная динамика российского этноса, позволяющего жить свободно всем другим народностям и нациям на территории России. Естественно, при условии отсутствия у них криминально-властных амбиций.

К этому времени Андрей перебрался с женой в Серпухов и возглавил там Федерацию русских народных игр, одновременно став руководителем регионального отделения ВВС – возрождённой вечевой службы РуНО. Зонай ответственности для него как для витязя Рати стал центральный регион России, Москва и Подмосковье, наиболее коррумпированная и криминализованная часть страны, требующая постоянного «медицинского» вмешательства.

Млада родила двойню, мальчика и девочку.

Мальчика назвали Фомой, девочку Анфисой.

С тех пор жена Данилина превратилась в «наседку» и с удовольствием занялась воспитанием детей. Предполагалось, что до пяти лет она будет воспитывать их сама при участии просветителей РуНО, а потом отдаст детей в Школу Шерстнева, где ими займутся духовные наставники ВВС.

Млада расцвела, перестала прятаться от мира, превратилась в женщину, желанней которой для Данилина никого не было. Он видел её стремление стать необходимой ему и сам стремился каждую свободную минуту проводить с женой и детьми.

Друзья не отстали от него. В том смысле, что не разбредлись кто куда, а продолжили свой путь в Духовно-Родовой Общине, проявив настойчивость и упорство при достижении поставленной цели – стать защитниками России. Они встречались, хотя и не часто, продолжая поддерживать дружеские отношения.

Владислав Тарасов возглавил службу СОС, переехал в Калугу, где официально занял пост заместителя начальника УВД города. Его жена Яна тоже родила двойню – Улю и Ромашку. Из Министерства иностранных дел России ей пришлось уйти, но она об этом не жалела и тоже с удовольствием отдалась новой роли – матери и жены.

Гордей Буй-Тур остался в «профилактории», как шутя называли ППП – подразделение профилактики и пресечения преступлений, стал воеводой и занял должность заместителя директора дома отдыха в Благоеве, представлявшего на самом деле базу ВВС. Он остался единственным, кто так и не нашёл себе подругу жизни, способную разделить его радости и печали.

Кондиций оба не потеряли, несмотря на все полученные раны и стрессы. Два года с ними занимался витязь Рати Рода Лихарь, сумевший одолеть магистра Ордена Раздела Махаевски в прямой схватке, и теперь Тарасов и Буй-Тур сами могли инструктировать бойцов любого

спецназа, постигнув многие тайны древнерусских воинских искусств. Недалеко было то время, когда они должны были пройти посвящение в витязи.

Данилин вспомнил последнюю свою встречу с Белым Волхвом.

Сварг заговорил с ним как с равным, ещё раз обратив внимание Владислава на деятельность РуНО в целом и его подразделений – СОС и ППП – в частности. Подчеркнул, что задачи по ликвидации лидеров сект и бандформирований, «пастухов» Союза тайных Орденов, и даже пресечение преступлений не являются приоритетами деятельности вечеровой службы Рода. Самыми важными оставались задачи формирования корневых, глубинных, истинно российских систем управления государством и организация системы воспитания подрастающего поколения.

– Уже работают Союзы славянских общин, – осторожно заметил в ответ на это Данилин. – И правильные школы... я имею в виду школу Шерстнева.

– Этого недостаточно, – сказал Сварг, в светлых глазах которого то и дело сквозь решительный высверк проступала печаль. – Даже внутри наших общин проросли сорняки иных идеологий, носители которых мешают нам жить и развиваться. Их надо выявлять и...

– Уничтожать.

Белый Волхв улыбнулся.

– Перевоспитывать.

– Я должен перейти в другую область заботничества?

– Ты возражаешь?

– Нет, но у меня много нерешённых проблем. Не лично моих. Хотя, если вы прикажете...

– Я не приказываю, витязь, просто прошу обратить внимание на твои другие возможности. Ты воспитываешь двоих отроков, и у тебя, я слышал, неплохо получается.

Данилин невольно улыбнулся.

– Жена воспитывает. Я просто не мешаю.

– Рад за вас. Бросать свои занятия не следует, ещё придётся драться с чёрными колдунами, я знаю. Однако надо думать и о будущем иного уровня.

– Я понял, Владыко.

Этот разговор случился ещё в мае, а потом Данилин узнал, что Сварг ушёл. Что это означало, догадаться было нетрудно, однако не хотелось верить, что хранитель древних родовых традиций и знаний больше не появится, не придёт на помощь в трудную минуту.

Зазвонил телефон на столе.

Данилин очнулся от воспоминаний, взял трубку; в данный момент он находился в своём кабинете президента федерации. Благодаря усилиям заботников местной славянской Общины в новом офисном здании напротив Собороной горы федерации выделили несколько помещений, после чего она и заявила о себе всей стране, объединив множество спортивных организаций подобного типа в провинциальных городках глубинки России. Уже два года в Серпухове проводились народные чемпионаты по городкам, стеночным боям, силовым единоборствам, по играм в лапту и поисковым играм. И всё больше людей принимали в них участие.

– Андрей Брониславович, – заговорил в телефоне голос Белогора, – нужна твоя помощь.

– Я готов, – не сразу отозвался Данилин. – Когда подъехать?

Владимир Владимирович Белогор возглавлял корпорацию нанотехнологий «Ком-С» и одновременно являлся пресветлым князем РуНО, контролирующим деятельность образовательных систем Ордена. То есть он по сути был прямым начальником Данилина.

– Приезжать ко мне не надо, в Серпухов сегодня завернёт Всеслав Антонович, он и расскажет о своих проблемах.

Голос князя был, как всегда, ровен и тих, но Данилин почуял дуновение тревоги. Что-то случилось в епархии Родарева, первого князя РуНО, занимающего пост начальника двена-

дцатой базы Управления спецопераций ФСБ, иначе он не попросил бы Белогора дать ему в помощь витязя из другого подразделения. Но уточнять свои догадки Данилин не стал.

– Хорошо, Владимир Владимирович, я понял.

– Слава богам. – Голос Белогора пропал.

Данилин положил трубку, глотнул холодной воды с лимоном, унимающей жажду, подошёл к окну.

Окна кабинета выходили на площадь, и Андрей невольно залюбовался Троицким собором за восстановленной белокаменной стеной кремля.

Серпухов как древний стратегический форпост Московского княжества известен был с тысяча триста двадцать восьмого года. Но Серпуховский кремль, получивший сначала дубовые стены, начал строиться лишь во второй половине четырнадцатого века, а в шестнадцатом стал белокаменным: камень добывали неподалёку от города, поэтому стены кремля и соборов на его территории были полностью сложены из натурального белого камня, а не из кирпича, как в других местах России. Троицкий собор заложили в семнадцатом и достроили в восемнадцатом веке. В нынешние времена в нём располагался филиал историко-художественного музея, известного и далеко за пределами Серпухова. Данилин посещал музей дважды, и ему нравился торжественно-строгий облик собора, хранящего память иных времён.

Телефон зазвонил снова.

Это был Родарев:

– Здрав будь, витязь.

– Быстро ты, – покачал головой Данилин. – Только что звонил Владимир Владимирович. – Спыхватился: – И ты здоров будь, князь.

– Занят?

– Готов к труду и обороне.

Родарев хмыкнул:

– Я всегда относился к тебе с опаской: больно легко ты откликаешься.

Данилин засмеялся:

– Ко мне правильно относятся только мои враги. Друзья относятся ко мне неправильно: я – лучше.

Родарев снова хмыкнул:

– Буду рад оказаться в кругу твоих друзей. Не отвлеку сильно, коли заявлюсь к тебе через тридцать минут?

– Ни в коем разе, до пятницы я совершенно свободен.

Родарев хмыкнул в третий раз, оценив шутку: он тоже помнил незабвенный советский мультфильм про Винни Пуха, – и выключил связь.

В кабинете Данилина он появился ровно через полчаса. Пожал руку хозяину, огляделся.

– Уютно у тебя. Как работается?

– Нормально. Пить хочешь? Жарко на улице. У меня есть минералка и соки.

– Нет, спасибо. Меньше пьёшь – меньше хочется. Не возражаешь, если я прямо к делу?

Данилин выжидательно посмотрел на гостя.

Родарев был среднего роста, но жилист, подвижен, ощутимо силён и энергичен. Стальные глаза его улыбались редко, хотя он умел и пошутить, и ответить на шутку. Он сел напротив Андрея, остро глянул на него – как иголкой уколол.

– Прости, что вешаю на тебя свою проблему, но ситуация требует нестандартных решений, а ты подготовлен лучше всех моих ребят. Да и язык знаешь.

– Русский?

– Английский, – не принял шутливого тона князь.

Данилин внутренне подобрался.

– Извини. Слушаю.

– Надо выехать за границу.

Данилин помолчал.

– На мне строительство новой школы...

– Понимаю. Как говорится, если сейчас не строить новые школы, завтра придётся строить новые тюрьмы. Повторюсь, я долго подбирал кандидатуры на задуманное одоление, остановился на тебе. Откажешься – придётся искать другого исполнителя.

– Не придётся.

– Хорошо, закончили с прелюдиями. С магистрами Союза тайных Орденов ты уже знаком. Твой нынешний уровень позволяет контактировать уже с более мощными носителями идеологии СТО – жрецами. А они не зря зачастили в Гренландию.

– Куда? – невольно удивился Данилин.

– Наша разведка заметила там посланцев Геократора ещё два года назад. Потом накопились данные: примерно раз в месяц в гренландских городках Нор и Канак появляются странные люди, контактирующие либо с лордом Акумом...

– Главой Синедриона? – проявил знание ситуации Данилин.

– Либо с самим Тивелом, Кондуктором Социума, как его называют в Геократоре, – закончил Родарев. Помолчал и добавил: – Где работают наши люди. Главное, что отмечена таинственная активность жрецов в этом районе, льды которого скрывают следы нашей древней родины.

– Гипербореи.

– Абсолютно верно. Мы посылали туда разведчиков, последний раз – в мае этого года. Все они погибли. Понимаешь, о чём речь?

– Ты хочешь, чтобы я отправился в Гренландию.

– И выяснил причины интереса Синедриона и Геократора к этому острову. Вполне вероятно, жрецы нашли вход в патерниаду.

– Прости, куда?

– В сеть тоннелей, сооружённых ещё гиперборейцами десятки тысяч лет назад. Мы имеем сведения, что тоннели эти объединяются в особую систему – патерниаду – и ведут к Оси Мира, то есть к скважине, соединяющей полюса Земли.

– Если вы знаете о существовании тоннелей...

– То почему не ищите входы в систему? – усмехнулся Родарев. – Ищем, друг мой, уже который год, но пока все найденные штреки упираются в завалы или в глубинные озёра. А нам очень хотелось бы пройти под океаном к Оси Мира и посмотреть, что там оставили наши предки. Возможно, легенды о бел-горюч камне-Алатыре имеют под собой основание.

Данилин задумался, не спеша отвечать.

– Я плохо знаю Гренландию. Сколько у меня времени?

– Как всегда, его нет совсем. Могу дать сутки на изучение материала.

Данилин снова задумался, мимолётно представив лицо Млады: она привыкла к его частым командировкам, но вряд ли обрадуется новой.

– Мне нужен полный интенционал по Гренландии и по наблюдению за Синедрионом.

– Вот. – Родарев подал Андрею блестящий стерженёк флэшки. – Здесь всё, что нужно. Потребуется дополнительная консультация – свяжешься с информбазой по своему консьорту. Экипировка – по обычной схеме на базе в Благоеве. Последний наш разведчик оставил под Канакком беспилотный модуль «одуванчик», что облегчит твою задачу. Со спутников управлять им тяжело, надо подобраться поближе. Впрочем, наши спутники над Гренландией не летают. По косвенным данным мы можем судить, что в районе Туле обнаружен странный объект. Нужно подтверждение. Вопросы?

– Зачем жрецам тоннели?

– Хороший вопрос. Думаю, они давно пытаются завладеть древними знаниями и артефактами гиперборейцев и атлантов, погребёнными подо льдами Арктики и Антарктиды. С целью перехвата управления цивилизацией. Последняя попытка перехвата в России провалилась два года назад, но едва ли это остановит жрецов Геократора и Экзократора.

– Нас ждёт новая война?

Родарев поморщился.

– А разве война когда-нибудь заканчивалась? Она принимала разные формы, и только. Самое плохое, что мы по-прежнему проигрываем чёрным силам на главных фронтах: их оружие на основе формирования искажённых систем ценностей, навязывания инородных идеологических установок, инородных культурных отношений, инородного образа жизни действует безотказно и продолжает торжественное шествие по России. А мы только-только начинаем осознавать пагубность массового увлечения молодёжью Интернетом, распространения духовного «наркотика» в виде фантастических боевиков типа «Всемигнутный дозор», «Особо опасен» и «Враг», только-только начинаем продвигать свою идеологию на основе традиционных общинных систем.

Данилин поднял бровь.

Князь заметил, усмехнулся.

– Извини, тебя убеждать не надо, ты и сам всё это видишь. Итак, завтра встречаемся у Степаныча, он подготовит всё необходимое для похода. Нет?

– Да! – твёрдо сказал Данилин.

* * *

Поздно ночью он закончил изучать предоставленный князем материал, забрёл на кухню в одних трусах, достал из холодильника бутылку айрана.

В коридоре прошелестело, и на пороге появилась Млада в ночных шортиках, без верхней блузки. Несколько секунд они смотрели друг на друга. Потом Данилин строго сказал:

– Сударыня, вам не стыдно бродить по окрестностям в таком виде? У вас всё видно!

– Стыдно – не у кого видно, – со смехом проговорила жена, – а у кого нечего показать.

Данилин фыркнул.

Млада бросилась к нему на шею.

– Почему не ложишься? Уже три часа.

– Сейчас лягу. Мне завтра утром рано... то есть сегодня уже надо уезжать.

– Надолго? – огорчилась она.

– Может быть, на недельку.

– Я страшно соскучусь!

– Я тоже, но ты ведь знаешь, что без необходимости я никогда никуда не уезжаю.

– Далеко?

– В Москву, – сказал он почти убедительно.

Млада отодвинулась, вглядываясь в его лицо широко раскрытыми тревожными глазами.

– Ну чуть подальше, в Гренландию. – Андрей погладил жену по волосам.

– Я чувствую, что это опасно.

Он улыбнулся, потянулся к её груди губами, и она снова обняла его за шею, прижалась всем телом...

* * *

Двадцать первого июня, в канун местного праздника Уллортунек (самого длинного дня), в десять часов утра Данилин сошёл с трапа самолёта в аэропорту Нуука, столицы Гренландии.

дии, одетый, как обычный клерк среднестатистической компании. У него и документы были оформлены на имя немецкого франчайзера Фридриха Герберштейна, представителя компании «Хорьх УПС», специалиста по «закупке моржового клыка для нужд зубного протезирования». Никакой поклажи у него не было, только современный бокс-офис размером с портфель, в котором лежали бумаги, подтверждающие его статус, и прочие документы компании.

Разумеется, такой компании не существовало, но она была официально зарегистрирована в Сети, как и другие подобные ей виртуальные корпорации, поэтому проверить её наличие было трудно, отследить связи и того трудней, а Данилину для его миссии требовалось всего два-три дня.

Нуук (старинное название – Готхоб) располагался на западном побережье Гренландии, на небольшом полуострове у подножия горы Сермитсиак. Население его едва достигало четырнадцати тысяч человек, поэтому он представлял собой самую маленькую столицу планеты. Основан город был в тысяча семьсот двадцать восьмом году норвежским миссионером Хансом Егедом, а название Готхоб – с инуитского «Добрая надежда» – получил от коренных обитателей острова, откликнувшихся на проповеди Егедом.

Ко времени появления Данилина Готхоб-Нуук представлял собой своеобразный винегрет старой европейской архитектуры с её невысокими домами в стиле оригинальной гренландской школы и безликих жилых кварталов, построенных по блочному принципу, с редкими современными зданиями из бетона, стали и стекла.

Данилин с удовольствием прогулялся по кварталу Колонихавнен – историческому ядру Нуука, постоял в толпе туристов возле дома Егедом, в котором ныне располагался зал приёмов местного парламента, полюбовался на церковь Савур-Черч со статуей основателя города напротив, на Арктический сад, церковь Ханс-Егед-Черч, университет Илисиматусарфийк. Все эти старинные сооружения были сосредоточены на двух улицах между госпиталем имени королевы Ингрид на юге, Гренландским колледжем на севере и почтой Санта-Клауса на юго-западе, поэтому Данилину потребовалось на ритуальный обход достопримечательностей города не больше двух часов.

Конечно, экскурсию он совершил не ради удовлетворения эстетических потребностей, а для выявления структуры наблюдения, для чего настроил себя соответствующим образом. Однако, судя по ощущениям, никто за ним пока не следил. Можно было двигаться дальше.

В три часа дня по местному времени он сел на электроход «Катуак» вместе с двумя группами говорливых и шумных туристов: одна была из Италии, другая из Франции. Наутро судёнышко доставило их в Кекертарссуак, располагавшийся на южном мысу залива Диско. На самом деле это был не залив, а пролив, но северная часть Диско постоянно была блокирована льдами, поэтому этот обширный водоём представлял собой настоящую «страну айсбергов», по которой курсировали в разных направлениях сотни ледяных гор.

Данилин не стал бродить с туристами по местным буеракам, а сразу направился в мэрию города и зафиксировал там своё появление как «агент по закупке моржового клыка». Затем дождался теплохода «Суиссун» и отправился вместе с одной из групп – итальянцы пошли дальше на север – в Уперनावик. Поскольку он был немцем по паспорту, то старался держаться с немецкой чопорностью и с экспансивными итальянцами общался редко. Его попытались разговаривать, потом поняли, что он зациклен на «моржовой кости», и отстали.

В Уперनावике документы туристов впервые проверила пограничная служба, хотя таможенный и пограничный контроль они уже проходили в Нууке.

Данилин привёл себя в полную боеготовность: проверка документов явно была провокационной, потому что теплоход отправлялся в Канак, где располагалась американская военно-воздушная база. Стало ясно, что за всеми прибывающими на остров ведётся умелое наблюдение, а наиболее подозрительные личности, такие как «агент по закупке моржового клыка»,

проверялись с особой тщательностью. Возможно также, что и контрразведка Геократора принимала в этом участие, контролируя всю территорию Гренландии.

Документы у Данилина, то есть «герра Фридриха Герберштейна», были в порядке, хотя пограничный капрал и запросил коллег проверить «агента компании „Хорьх УПС“ по своим каналам.

Проверили, вернули паспорт и бумаги.

Данилин холодно откланялся, не теряя бдительности. Он всё время чувствовал на себе чей-то внимательный взгляд, поэтому вёл себя предельно сдержанно, с изрядной долей снисходительного высокомерия, по-немецки. И продолжал сканировать пространство вокруг сферой внечувственного восприятия, пока не обнаружил источник беспокойства: к его костюму оказалась прицеплена «блоха» – сверхминиатюрная видеокамера, созданная по нанотехнологиям. Кто её прицепил и когда, Данилин вспомнить не мог, да это и не имело значения. Если бы не его экстрарезерв, видеокамера осталась бы необнаруженной, а его миссия – проваленной. Теперь надо было рассчитывать каждый свой шаг и каждый жест, потому что уничтожить «блоху» было нельзя. Это сразу показалось бы подозрительным тем, кто камеру активировал.

Двадцать четвёртого июня вошли в бухту Аванерсуак, на берегу которой распростёрся четырёхкилометровой полосой город Канак.

Данилин сразу почувствовал «запах» радиоактивности в бухте и вспомнил обзорную статью о Гренландии: в шестьдесят восьмом году прошлого века под Канаком разбился о льды залива американский бомбардировщик «Б-52» с ядерными бомбами, и радиоактивный фон здесь так и остался повышенным.

В сущности Канак, он же Туле, с населением всего в полторы тысячи человек, являлся факторией, а не настоящим городом. Лишь расположенная практически в черте фактории военно-воздушная база с отстроенными коттеджами для офицеров и придавала эскимосскому поселению видимость города.

Поскольку началось лето, туристам, прибывающим в Канак, не надо было предъявлять air attach, то есть разрешение на посещение города и авиабазы от датского посольства или командования базы, и Данилин порадовался этому обстоятельству: лишнее «засвечивание» перед контролирующими органами ему было ни к чему.

Он сошёл на берег в толпе оживлённых «макаронников» (итальянцы и на борту теплохода вели себя экспрессивно), осмотрелся и направился к мэрии Канака, чтобы честно оповестить местных чиновников о цели своего прибытия, а также попросить содействия.

Определив место установки «блохи», Данилин снимать её не стал, лишь изредка как бы невзначай прикрывал видеокамеру то локтем, то рукавом куртки, то бокс-офисом – чтобы наблюдатели привыкли к временной «слепоте».

В мэрии он щедро поделился своими грандиозными планами заготовок моржовой кости и китового уса, и ошеломлённые чиновники городка посоветовали ему обратиться в Сьорапалук, соседнее эскимосское поселение, жители которого охотились на моржей и тюленей.

– Транспорт дадите? – обрадовался «Фридрих Герберштейн», недвусмысленно доставая бумажник, туго набитый сотенными еврокупюрами.

Чиновники переглянулись, и один из них, лет шестидесяти, с аккуратной седой бородкой и бакенбардами, поманил гостя за собой.

На пороге небольшого одноэтажного здания мэрии с флагом Гренландии на коньке крыши он показал на двухэтажное красное строение на другой стороне площадки, на крыше которого висел уже датский флаг:

– Там есть офис туристической компании «Суиссун», которая организует восьмидневные походы в Сьорапалук. Присоединяйтесь к первой же группе, и вас отвезут в факторию на оленях.

– Сердечное спасибо, – сказал Данилин, протянув седобородому сотенную купюру. – Премного благодарен.

Его английский нельзя было назвать совершенным, ну так он и не был англичанином, а всего лишь немецким гражданином, впервые попавшим так далеко на север.

– Только купите себе туркомплекс «урс», – посоветовал сотрудник мэрии, обрадованный возможностью хоть на пару минут избавиться от рутинной размеренной работы. – Температура на побережье не поднимается выше минус пяти градусов, в этой курточке вы замёрзнете.

– Непременно куплю, – пообещал Данилин, который не боялся никаких морозов, умея поддерживать терморегуляцию организма в пределах от минус сорока до плюс пятидесяти градусов Цельсия.

В компании «Суиссун» его приняли радушно и пообещали включить в состав первой же группы любителей северной экзотики, которая должна была прибыть в Канака на следующий день.

– В гостинице есть свободные номера, – сказали ему, – располагайтесь смело, господин Герберштейн. В Канаке вам найдётся на что посмотреть, так что не соскучитесь. Если хотите, можем организовать экскурсию на американскую базу.

– Спасибо, не надо, – вежливо отказался Данилин. – Я поброжу по городу.

Он и так знал, что военно-воздушная база США была создана на территории Гренландии в начале пятидесятых годов двадцатого века, в соответствии с американо-датским договором тысяча девятьсот пятьдесят первого года «о защите Гренландии». В настоящее время она представляла собой один из основных элементов обороны Соединённых Штатов, прикрывающих американскую территорию от возможного удара с Востока. И хотя персонал базы сократился по сравнению с началом эксплуатации втрое, на ней дислоцировались стратегические бомбардировщики и была реконструирована мощная радиолокационная станция раннего предупреждения, способная вести наблюдение за территорией России.

– Можем дать экскурсовода, он расскажет о местных достопримечательностях.

– Благодарю. Устроюсь в гостиницу и зайду к вам.

Однако прежде, чем устраиваться, он зашёл в один из универсальных магазинчиков на площади Гунбёрна и купил туристический костюм «урс», в котором действительно можно было путешествовать по любым местам сурового острова. Теперь он мог избавиться от «всевидящего ока» микротелекамеры, имея на это вполне убедительные причины.

Гостиница оказалась маленькой, всего на двенадцать номеров, но вполне современной и комфортабельной. Работали в ней одни мужчины, в большинстве своём – инуиты. Во всяком случае, ни одной женщины Данилин не заметил.

Расположившись в номере, небольшом по нынешним меркам, зато с модулем душа и объёмным экраном телевизора, Данилин переделался в новый костюм, рассовал по карманам необходимые вещи: мобильный вифон, ручку, нож, бумажник, очки, футляр от бритвы, – и вышел на прогулку.

На город опустился вечер двадцать пятого июня.

Было тихо и почти тепло – плюс семь градусов.

Солнце висело над горизонтом на северо-западе и, похоже, заходить не собиралось. В этих широтах царил длинный полярный день.

Народу на улицах Канака, мощёных камнем, почти не было видно. Изредка проезжали машины, в основном – «Фольксвагены», один раз промелькнул пятнистый американский джип.

В спину Данилина кто-то посмотрел.

Делая вид, что глазееет на кирху, он оглянулся, никого не заметил, настроился на ментальное сканирование и через минуту понял: над Гренландией пролетал спутник, внимательно наблюдавший за наиболее важными объектами и территориями.

Данилин спустился к порту, где у причала стояли несколько малотоннажных судёнышек: три сейнера, чья-то яхта под названием «Mystery», военный катер и с десяток лодок.

Дорога обходила порт и ныряла за изрезанный тенями берег фьорда. Она вела напрямую к авиабазе и была заасфальтирована.

Данилин не спеша двинулся в обратном направлении, поднялся на холмик, заметил стоящие неподалёку старинные эскимосские жилища, неотличимые от чукотских чумов. Их насчитывалось штук десять разного размера, и никто их не охранял.

Прислушиваясь к своим ощущениям, Данилин обошёл стоянку, предназначенную скорее всего для экскурсий: местные жители-инуиты давно жили в современных домах, – и нырнул в одно из конусовидных жилищ, накрытое оленьими шкурами. У него было минут десять на то, чтобы устроить сеанс связи с «одуванчиком», ждущим указаний в полусотне километров севернее Канака, и направить беспилотник на поиски «странного».

В иглу было темно, однако это не помешало Данилину собрать передатчик из мобильного, ручки, ножа и футляра для бритвы. Не обращая внимания на неаппетитный запах внутри ветхого строения, Данилин включил вифон, быстро набрал кодовое слово «беркут». Через несколько секунд развернувшийся экранчик вифона отразил сначала алую звёздочку вызова, сменившуюся зелёной (код был принят), затем показал картинку – вид с высоты двадцати метров на поверхность острова под аппаратом.

Белое пространство с голубыми тенями, чёрные трещины, камни, расселины. И ничего больше.

Данилин, сообразивший, что белое пространство является снежно-ледяным покровом северной части Гренландии, подключил навигатор. Стало видно, что «одуванчик» висит в сорока девяти километрах северо-восточнее Канака и находится в рабочем состоянии. Ни американские спутники, контролирующие территорию острова, ни колдовские системы жрецов Геократора обнаружить его не смогли.

– Славно... – прошептал Данилин, набирая комбинацию цифр – программу для компьютера аппарата.

В соответствии с этой программой «одуванчик» должен был исследовать небольшую долину среди льдов Аванерсуака, где прятался вход в систему тоннелей – по расчётам специалистов ВВС – и где, по сведениям разведчиков, месяц назад объявился какой-то необычный объект.

«Ищи», – набрал Данилин слово, соответствующее включению программы.

Пейзаж под телекамерами «одуванчика» сдвинулся с места, повернулся, горизонт раздвинулся: аппарат поднялся на полкилометра выше.

Понаблюдав за его манёврами, Данилин быстро разобрал передатчик, рассовал «невинные» с виду предметы по карманам и вышел из иглу, предварительно ощупав местность внешним «локатором». Пробыл он внутри эскимосского жилища всего шесть минут, и за это время вблизи поселения не появился ни один подозрительный человек.

Агент Компании «Хорьх УПС» Фридрих Герберштейн не заинтересовал местные спецслужбы до такой степени, чтобы те организовали за ним слежку.

До вечера, относительного, конечно, так как солнце действительно не собиралось скрываться за горизонтом, Данилин успел оплатить в туркомпании «Суиссун» экскурсию в Сорпалук и сходить в местный ресторанчик «Топпен», где послушал джаз в исполнении аборигенов-инуитов. А в гостинице мобильник сыграл ему «бетховенскую оду», что означало: «одуванчик» наткнулся на что-то интересное и хочет показать находку оператору.

Данилин поплотней упаковал «блоху» на старой куртке, чтобы та не смогла не только ничего увидеть, но и услышать, собрал передатчик.

Объёмный экранчик органайзера раскинулся зеленоватым эфемерным кубиком размером с две человеческие ладони, подмигнул красной и зелёной звёздочкой. В его растворе пока-

залась испещрённая тенями, бугристая ледяная поверхность плато. В ней протаял шрам – это начиналась ложбина, к которой и направлялся беспилотник. А точно посреди ложбины выростала вверх... самая настоящая гигантская капля воды!

Данилин надавил на глазные яблоки пальцами, взгляделся в мерцающее изображение странного объекта.

Ничего не изменилось.

Над ложбиной красовалась огромная, стометрового диаметра и пятидесятиметровой высоты прозрачная водяная опухоль! Истинная капля, только набухшая не на обрезе крана, а выпирающая из земли в небо! Лучи солнца пронизывали её насквозь, собираясь в пучок, как в линзе. Опухоль-капля иногда подрагивала, покрываясь, как чешуёй, рябью мелких волн, однако продолжала невозмутимо сохранять свою форму, словно издеваясь над законами физики и человеческим воображением.

– Шоб я вмер! – с расстановкой пробормотал Данилин на украинском. – Що це такэ?!

У подножия водяной горы правильной геометрической формы – ну, капля, и всё тут! – возник короткий блик.

Данилин взгляделся.

Ложбину поверху окружала цепь чёрных пятен разной формы. Возле одного такого пятна шевелились маленькие чёрные точки, подползла продолговатая закорючка, от которой и отразился солнечный луч. Стало ясно, что вокруг водяной горы раскинулся лагерь экспедиции, изучающей природный феномен. А поскольку ни в одну из газет мира и даже в Интернет не просочилось ни крохи информации о водяной горе, охраняли эту тайну весьма тщательно и жёстко. Возможно, в обеспечении секретности феномена участвовали не только американские военные, но и агенты Геократора, а то и сами жрецы.

«Поближе!» – передал Данилин команду компьютеру «одуванчика».

Однако выполнить манёвр беспилотник не успел.

Едва он двинулся к ложбине, из центра которой торчала притягивающая взор капля, у прямоугольного чёрного пятна, представляющего очевидно какую-то машину, сверкнул новый блик. И на сей раз это был не отразившийся от металла или стекла солнечный луч.

Данилин увидел блестящую иголку с дымком на торце, сообразил, что это ракета.

«Назад!»

Однако приказ запоздал.

Иголка выросла в размерах, превратилась в огненный шар, и передача с телекамер «одуванчика» оборвалась.

– Дьявол! – отшатнулся от экранчика Данилин.

Посидел несколько мгновений, лихорадочно соображая, что делать, приказал себе успокоиться. Занялся разборкой передатчика. Выключил вифон. И задал сам себе риторический вопрос:

– Как они увидели «одуванчик», накрытый от любых взглядов заклинанием непрогляда?!

Красноярск—Чукотка Кожухин

Когда Мирослава Кожухина вызвал директор института и предложил отправиться с небольшой группой геологов аж на север Чукотки, в село Энурмино, он даже не стал спрашивать – зачем экспедиции понадобился физик. Закончив в Томске институт, Мирослав уехал домой в Красноярск и устроился в местном институте геофизических исследований – как специалист по изучению быстропеременных явлений природы.

Ему едва исполнилось двадцать семь лет, и он ещё не успел растерять запас романтических побуждений, сокрытых в профессии, поэтому мог по заданию руководства лететь куда угодно, хоть на край света, и когда угодно.

О цели экспедиции он всё-таки спросил, когда утих в душе первый восторг:

– Что за чудо нас ожидает?

– Догадливый, – проворчал директор Любушинский, возраст которого – семьдесят два года – не позволял академику самому возглавлять научные экспедиции. – Будь я помоложе... Короче, опухоль там обнаружили местные охотники, её и будешь изучать.

– Опухоль?! – не сдержал удивления Мирослав.

– По словам охотников-чукчей, открывших сей феномен, они увидели, как «земля пухнет и водой капает». Мы как раз в тот район собрались геологоразведку направить, так что, считай, плановый рейд предстоит. Ну, а ты, Мирослав Палыч, будешь за старшего исследовательской группы.

– Я согласен! Кто будет в группе?

– Да ты и один справишься. Мы договорились с краевой администрацией, вам дадут вертолёт и всё необходимое.

– «Земля пухнет»... и «водой капает»... странная характеристика. А фото имеется?

– Нету фотографий, есть обзорная панорама со спутника, с разрешением до полусотни метров, видно какое-то бельмо, а что именно – непонятно. Короче, вылет вечером, успеешь?

– Успею! – кивнул Мирослав.

А утром двадцать седьмого июня, преодолев в общей сложности более шести с половиной тысяч километров: до Анадыря – на самолёте, от Анадыря до Эвекинота и дальше, до Энурмина, в двадцати километрах от которого и обнаружили «опухоль» – на вертолётах, – он уже стоял на обрыве, рядом с низкорослой сосной, удивительным образом укоренившейся на скале, и смотрел на «бельмо», оно же «опухоль», в бинокль.

Опухоль – её так и начали называть с большой буквы – впечатляла.

Гигантская водяная капля диаметром больше двухсот и высотой около пятидесяти метров, вылезла из центра маленького островка посередине небольшого заливчика, да так и застыла, искрясь в лучах низкого солнца, прозрачная как горный хрусталь или чистая морская вода, насмехаясь над человеческим здравым смыслом.

Взломанные какой-то невероятной силой куски острова никуда не делись, застыли на капле у её основания, будто вклеенные в прозрачно-голубую субстанцию – водой называть её не поворачивался язык – Опухоль. А когда облака расходились, лучи солнца собирались в капле и образовывали на выходе яркий пучок, способный если не обжечь, то уж точно ослепить.

Объяснить, что это такое, Мирослав не мог, как ни ломал голову. Ничего близкого он в своей жизни прежде не видел. Впрочем, как и любой другой человек на его месте. Тем не менее Опухоль существовала реально, жила своей жизнью: изредка её бликующая поверхность вздрагивала как живая, покрываясь чешуёй мелких волн, – и не собиралась раскрывать свои тайны.

Геофизик оторвался от бинокля, оглянулся на спутников.

Их было трое, все в одинаковых северных костюмах типа «медведь», в каких с начала века путешествовали по свету все геологи России, и с одинаковыми кепками на головах, которые брались с собой в экспедиции в качестве талисманов удачи. Они тоже были ошеломлены, озадачены и растеряны, и не скрывали своих чувств.

– Этого не может быть! – опустил свой бинокль бородач Веллер-Махно; эту фразу он повторял уже не в первый раз, выказав своё отношение к увиденному ещё на борту вертолётa. Несмотря на необычную фамилию, кличку коллеги ему так и не дали, больно суров был бородач.

– Почему она не расплывается? – отозвался второй геолог отряда, Химчук, худой и длинный как оглобля.

– Может, это и не вода вовсе? – сказал третий член экспедиции, кряжистый, степенный, обстоятельный. Фамилия у него была Дядьковин, но за глаза все звали его Дядькой.

Все трое, сдвинув кепки на затылки, одновременно посмотрели на Кожемякина.

– На свете есть много чего, – развёл руками геофизик, – чего быть не должно.

Дядька почесал туфлеобразный нос, Веллер-Махно крикнул, Химчук осуждающе покачал головой.

– Тебе бы только зубы скалить.

– Я пошутил, – сконфузился Мирослав. – Я тоже не понимаю, что это за явление такое. Подберёмся поближе, возьмём анализы, замерим фон. По виду – это чистая вода, а на самом деле...

– Ладно, хватит лясы точить, – прервал его Веллер-Махно, олицетворяя собой начальника экспедиции. – Начнём устраиваться.

– Мне лодка понадобится.

– У них попросишь, – кивнул бородач на стоявших особняком охотников, которые и наткнулись на Опухоль.

Их было двое, одетых в свои лохматые олени парки, смуглолицые, черноволосые, один старый, другой помоложе. На Опухоль они смотрели с интересом, но без особой опаски. В данный момент она не ярилась, на людей не бросалась как медведица, в страшных тварей не превращалась, а физика этого явления волновала их мало.

– Лодка нужна, – подошёл к ним Мирослав.

– Каяк, однако, можна, – сказал старый эскимос, ткнул пальцем под обрыв. – Там хоронисса.

– Спасибо. Поможете сплавать к Опухоли? – Кожемякин посмотрел на водяную каплю, придавившую заливчик.

Эскимосы дружно залопотали, замотали головами, отступили.

– Увелельын будет сильно сердисса, начальник, – сказал старый охотник. – Упадёт вода, потом много будет, однако. Не ходи туда.

– Какой я вам начальник, – улыбнулся Мирослав. – Мне нельзя не ходить, замеры надо сделать, датчики установить. Ладно, придётся самому.

Эскимосы снова залопотали на своём языке, тыкая друг другу пальцами в грудь, потом старик сказал:

– Хоросо, он иди с тебе. – Охотник показал на молодого сородича. – Опасно, однако, думай долго. Аппалувик сердисса будет, не надо его будить.

– Кто такой этот ваш Аппалувик?

– Дух, однако, очен страшны, молния бьёт, за тучу швыряет. Батар нужно, ыясык.

– Что?

– Жертвоприношение, наверно, – проворчал Веллер-Махно. – Обойдутся. Пусть лучше помогут установить палатки.

Мирослав объяснил охотникам, что от них требуется, и те с готовностью начали разбивать лагерь, ставить палатки и распаковывать груз, оставленный вертолётom неподалёку от берега залива.

Вертолёт – старый-престарый «МИ-8», улетел, но к вечеру должен был прилететь другой, приданный экспедиции на весь период работ. С его помощью геофизик мечтал облететь Опухоль и сделать замеры полевой обстановки в непосредственной близости. Радиацией здесь, как говорится, «не пахло», но электромагнитный и гравитационный фон мог быть нарушен. Мирослав был на сто процентов уверен, что с такой аномалией наука ещё не встречалась.

Палатки поставили за два часа.

Охотники расположились рядом, в одной вполне современной палатке из пан-волокна, не боящегося никаких морозов.

Для исследовательской аппаратуры понадобилась отдельная палатка. У геологов главным оборудованием были портативные вибраторы для прокладки шурфов и химлаборатория, Кожемякину же для его работы нужны были радиобуи, гравиметр, датчики для измерения геомагнитного фона, электростатических напряжений, счётчики радиации, экспресс-лаборатория, глубинные термометры, телеметрическая и реологическая аппаратура для изучения остаточных деформаций горных пород. Не считая различного рода шупов, штанг и кирок. По сути, ему одному потребовалось распаковать три контейнера, в то время как геологам на троих – два.

Пока коллеги обстоятельно готовили ужин, освободив его от этих обязанностей, геофизик успел установить на скальном карнизе, нависающем над водой, дистанционный анализатор, грависканер и радиометр, замерил полевой фон. Почесал затылок.

Приборы не отметили никаких аномальных отклонений!

Радиационный, магнитный и электрический фон местности в километре от Опухоли находились в пределах природных значений. Никакой радиации Опухоль не излучала. Был слегка повышен гравитационный потенциал в направлении на водяную сверхкаплю, но не до таких значений, чтобы предполагать в этом месте наличие маскона.³

– Ну, что у тебя? – любопытствовал Веллер-Махно, поднявшись к физику на скалу.

– Норма, – ответил Мирослав. – Никаких отклонений. Надо подобраться поближе.

– Завтра, – отрезал бородач, глянув на застрявшее над горизонтом солнце. Гладь Чукотского моря за Опухолью была пустыня и казалась мёртвой. – Утром прилетит вертолёт, начнём работать.

– Он же должен был прилететь сегодня вечером.

– Что-то у них не сложилось, лётчик заболел, ищут второго. Зачехляй свои цапки и иди ужинать, а то ляжешь голодный. Отбой в десять.

– Я бы ещё на лодке... – заикнулся Кожемякин.

– Отбой в десять! – Начальник экспедиции бросил взгляд на Опухоль, невозмутимо подпиравшую чистое безоблачное небо, и вернулся в лагерь.

Мирослав вздохнул с сожалением, понимая, что его энтузиазм оценен не будет. Геологи были суровыми людьми, прошедшими хорошую жизненную школу, привыкшие к тяжёлому труду и дисциплине, к определённому укладу бытия, и заставить их изменить этот уклад и привычный ритм было невозможно.

Сам Мирослав был слеплен из другого теста.

Среднего роста, широкоплечий, но худой (на гантели и прочую физкультуру вечно не хватало времени), с обаятельной улыбкой, он выглядел по-мальчишески непосредственным, хотя при этом был достаточно упрямым, импульсивным и мог настоять на своём. Если хотел. Однако чаще всего он уступал оппонентам, зато мыслил творчески и принимал решения быстро. Сме-

³ Маскон – гравитационная линза, объясняемая наличием более плотного рудного тела.

лым его назвать было нельзя, но и совсем трусом он не был, зачастую поддаваясь романтическому порыву и со всех ног мчался туда, куда, говоря словами классика, даже ангелы не решаются пробираться на цыпочках.

Экспедиции для Кожухина являлись не целью, а средством познания мира и построения собственных умозаключений. Вот почему он с удовольствием отправлялся туда, куда посылала его судьба в лице начальника отдела или директора института.

Глаза у Мирослава были светло-серые, волосы – льняные, почти белые, из-за чего в школе, да и во время учёбы в Томске его прозвали Светиком. Впрочем, он не обижался на кличку, хотя она и отражала некую некатегоричную «женственность», так как к своей внешности относился абсолютно равнодушно.

До отбоя, чувствуя накопившуюся за почти двое суток дороги усталость, он отбирал аппаратуру, определяя её необходимость.

Разложил все приборы у палатки для определения качества и физических характеристик воды, прикинул свои возможности и после тщательной проверки рассовал по карманам «разгрузки» – специального жилета-безрукавки самые нужные: ультразвуковой вискозиметр, измерявший вязкость жидкостей, батитермограф – прибор для изучения вертикального распределения температуры воды, тензиометр, измеряющий силу поверхностного натяжения, радиометр и нефелометр – прибор для количественного химического анализа. Все они представляли собой пенальчики размером с ладонь, легко влезавшие в карманы.

Остальные приборы: термодинамический анализатор, ареометр, спектрометр, метеорограф, магнитудный искатель, кассета с пробоотборниками и экспресс-лаборатория представляли собой объёмистые ящики, требующие отдельной переноски.

На включение и тестирование «умника» – компьютера для анализа полевой обстановки – у Мирослава не хватило сил. Он сходил к скальному карнизу, полюбовался Опухолью, без трёх минут десять залез в спальник, переполненный впечатлениями, и мгновенно уснул, надеясь утром решить все проблемы разом.

* * *

Вертолёт прилетел, когда члены экспедиции заканчивали завтрак, – в половине девятого по местному времени.

Геологи с удивлением смотрели на машину, на которой им ещё ни разу не приходилось путешествовать.

Это был новейший «Ка-92» с двумя несущими соосными винтами, обеспечивающими взлёт и посадку, и с одним толкающим, расположенным в хвостовой части, позволяющим летать со скоростью более пятисот километров в час. Выглядел он непривычно современным в условиях Крайнего Севера и казался почти что машиной пришельцев.

– Красавец! – оценил Химчук.

– Забурели эскимосы, – проворчал Дядька. – Я таких вертолётов даже в центре не видал.

Вертолёт сел в полусотне метров от лагеря, воздушной волной сорвав мох с южных сторон валунов и скал.

Пилотировал его один человек, оказавшийся молодой и симпатичной девушкой, державшейся независимо и энергично. Глаза у неё были синие, дерзкие и весёлые.

– Супер! – заявила она, прыгивая из кабины на землю: лётный комбинезон сидел на ней как необычного покроя платье на девушке с подиума, подчёркивая выпуклость бёдер и груди. – Чисто капля из носика чайника, если смотреть издали. Не поверила бы, расскажи кто.

Она сдвинула наушники на затылок, протянула руку:

– Белоярская, пилот первого класса, придана экспедиции.

Веллер-Махно церемонно пожал её руку.

– С прибытием.

– Что это, по-вашему? – Она кивнула на скалу, за которой пряталась Опухоль.

Мужчины, приблизившиеся к вертолёту, переглянулись.

– Такая вот хреновина с морковиной, – хмыкнул Химчук. – Он утверждает, – кивок на Кожухина, – что это вода чистой воды.

Девушка изогнула бровь, посмотрела на Мирослава.

– Вы начальник экспедиции? Веллер... э-э, Махно?

– Махно – он, – кивнул на бородача геофизик. – Я по части геофизики, Мирослав Кожухин. А вас как зовут?

– Наталья.

– Рад познакомиться.

– Погоди, молодёжь, – буркнул Дядьковин. – Что, кроме вас, послать больше было некого?

– А чем я вас не устраиваю? – нахмурилась девушка. – Я уже десять лет на вертолётах летаю, больше ста тысяч часов в воздухе. Да и Чукотку хорошо знаю.

– Сколько же вам лет?

Девушка прищурилась.

– Вопрос некорректный, но вам отвечу: двадцать пять. У меня отец – тоже вертолётчик, так что я за штурвалом с пятнадцати. Ещё вопросы будут?

– Мне надо облететь Опухоль кругом... – начал Мирослав.

– Не спеши, торопыга, – буркнул недовольный чем-то Дядька. – До тебя очередь дойдёт.

– Но чем скорее мы...

– Цыц, я сказал, успеешь.

– Он прав, – проговорил Веллер-Махно, терзая бородку. – Сейчас это главная задача – определиться с Опухолью. Составим график полётов и начнём работать. На сколько вам хватит бензина?

– Весь грузовой отсек – бензин, двадцать бочек по сто литров, на неделю полётов. Выгружать надо. А почему вы называете ту каплю Опухолью?

– Потому что она выросла как опухоль на человеческом теле, – пояснил Мирослав, в нетерпении поглядывая на руководителя группы. – Борис Аркадьевич, так я могу грузить приборы в кабину?

Веллер-Махно помедлил, посмотрел на часы, махнул рукой.

– После разгрузки бензина. Мы все полетим, посмотрим.

– Сто лет мне сдалась эта ваша Опухоль, – проворчал Дядька.

Но его уже никто не слушал.

Бочки с бензином укатили в ложбину между горами камней, накрыли брезентом.

Эскимосов-охотников оставили стеречь лагерь.

Мирослав пристроил в грузовом отсеке вертолёта приборы, необходимые для прикидочной оценки физических условий феномена, геологи залезли в отсек, расселись по удобным креслам (в этом вертолёте лавки вдоль бортов отсутствовали, зато стояли самые настоящие удобные самолётные кресла для шести человек), и «Ка-92 взлетел».

Скалы с плоскими вершинами, сопки, карниз над заливом с корявой сосной, болотистая низина, кочки, заросли низкорослого кустарника ушли вниз. Стала видна Опухоль, пронзаемая лучами солнца.

У Мирослава захватило дух.

Ему разрешили лететь в кабине вертолёта, рядом с пилотом, и теперь он оценил этот жест: Опухоль отсюда была вида во всей своей красе.

– Ух ты! – восхитилась Наталья, искоса глянула на пассажира. – Языком слизнуть хочется.

– Языком не получится, – помотал головой возбуждённый молодой человек; глаза его горели. – В этой капле и великан утонет.

– Почему она не расплывается под собственной тяжестью? Это же нарушение законов физики. Или я чего-то недоучила в школе?

– В таком случае я тоже недоучил, – развёл руками Мирослав. – И в школе, и в институте. Вода собирается в капли до определённого размера, который диктуется поверхностным натяжением. Если судить по размерам Опухоли, её поверхностное натяжение просто чудовищно!

Вертолёт приблизился к водяной горе.

Кожухин бросил взгляд на гравидетектор: сила тяжести рядом с Опухолью не изменилась.

– Можете зависнуть прямо над ней? Не свалимся?

– Да не должны.

Наталья шевельнула джойстиком.

Вертолёт послушно приподнялся над Опухолью и завис в десяти метрах от её удивительно гладкой и ровной поверхности.

Поток воздуха из-под лопастей винтов бил по округлой вершине капли с большой силой, но она только вздрагивала и рождала серии мелких волн, похожих на прозрачную рыбу чешую.

– Что дальше?

– Надо взять пробу.

– Как?

– Я опущу пробоотборник, только надо опуститься ещё ниже.

– Без проблем. Только как вы возьмёте пробу, если у этой капельки гигантское поверхностное натяжение?

– Попробуем. В случае чего рвите когти!

Наталья улыбнулась.

– Рвать когти не придётся, «Каштанка» – мощная и быстрая машина. Я на ней даже фигуры высшего пилотажа могу продемонстрировать.

– Надеюсь, высший пилотаж нам не понадобится.

Мирослав пробрался в отсек с прилипшими к окнам геологами, достал пробоотборник для жидкостей – длинный цилиндр из прочного стекла, с особым механизмом, использующим принцип разницы давлений.

– Помочь? – предложил Дядька, оторвавшись от созерцания Опухоли.

– Сам справлюсь. – Мирослав подумал. – Вообще-то подержите меня, пока я буду опускать стакан.

– Может, лучше подойти на лодке с моря?

– И с моря придётся, и сверху надо, чтобы сравнить показания.

– Надевай сбрую.

Мирослав хотел отказаться, так как сбруей называлась специальная альпинистская обвязка, позволяющая человеку смело высовываться из окон высотных зданий или из летательных аппаратов во время монтажных работ на высоте, но проявлять смелость в таких делах, даже на глазах у симпатичной девчонки, было не резон, и он подчинился.

Крикнул в проём двери, связывающей кабину и отсек:

– Наташа, ниже!

Вертолёт опустился на три метра ниже, едва не касаясь поверхности Опухоли колёсами шасси.

Мирослав открыл дверцу грузового отсека, высунулся по пояс, опустил вниз на тросике цилиндр пробоотборника.

Вспомнился прочитанный в детстве роман братьев Стругацких «Пикник на обочине». Исследователи таинственной Зоны в романе тоже опускали на тросах механизм захвата, собираясь вытащить из Зоны разного рода артефакты, но тросы начали обрастать каким-то пухом, и их пришлось бросить.

Мирослав представил эту картину, нервно хихикнул и усилием воли отогнал воспоминание.

Пробоотборник коснулся гладкой подрагивающей поверхности водяной горы.

И... ничего не произошло!

Дно цилиндра упруго подскочило, пшикнув пневмозаборником.

Собравшийся в случае проявления неких злых сил бросить трос, Кожемякин перевёл дух, вытащил цилиндр, озадаченно потряс.

– Пустой...

– Попробуй ещё раз, – посоветовал Веллер-Махно.

– Поверхностное натяжение.

– Что?

– Наташа права, слишком большое поверхностное натяжение у воды. Нужен специальный пробоотборник, с ударно-взрывным механизмом.

– Мы такой взяли?

– Кто же знал, что он понадобится.

Мирослав попытался взять пробу воды ещё раз и ещё – с тем же результатом. Пневмозаборник не мог пробить плёнку воды, удерживающую форму гигантской капли. Для этого ему не хватало мощности. И всё же на пятый раз по гладкой поверхности Опухоли пробежала рябь мелких волн, дно цилиндра увлажнилось, и Мирослав успел засунуть торец пробоотборника в приготовленную к работе экспресс-лабораторию. Пробежался пальцами по клавиатуре.

– Блин... обычная аш два о... пи аш в норме... минерализация стандартная... морские соли...

– Эй, экспериментаторы, долго ещё висеть будем? – окликнула их Наталья.

– Да, поехали отсюда, – спохватился Веллер-Махно, явно нервничая; на лбу его выступил пот. – Буду докладывать директору, что сюда нужна комплексная группа с передвижной химлабораторией и кучей разных приспособлений для контроля объекта. Один ты не справишься.

– Справлюсь! – запротестовал Мирослав.

Начальник отряда махнул рукой, крикнул пилоту:

– Уходим!

Вертолёт резко подпрыгнул вверх, словно его снизу шлёпнула невидимая рука, боком пошёл над Опухолью, выровнялся.

Кожухин включил все настроенные регистраторы, расположенные в отсеке, перебрался в кабину с радиометром в руке.

– Как тебе Опухоль?

– Жуть! – весело отозвалась Наталья. – Такое впечатление, что из неё кто-то смотрит на нас.

– Мне иногда тоже кажется, что она смотрит на нас. А ведь это всего-навсего водяная гора.

– Таких гор не бывает.

– Раз мы её видим, значит, бывают.

– Меня предупредили, с чем придётся столкнуться, но я не представляла, что это так необычно.

– Мы тоже не представляли всей картины. Эскимосы талдычат – это Аппалувик вылез.

– Кто?

– Водяное божество, связанное с разрушением и смертью.

– Сказки.

– Кто знает, как далеки эти сказки от реальности. На чём-то же их мифология держится.

Там много всякого страшного.

– Я думала, вы ничего не боитесь.

– Я и не боюсь, но у меня есть начальство. – Мирослав оглянулся, посмотрел на молчаливых геологов. – Оно сейчас в сильной задумчивости. – Геофизик засмеялся, подмигнул девушке. – Вряд ли они понимают, что это такое.

– А вы?

– Слушай, давай на «ты»?

– Вы учёный, а я просто лётчик.

– Ерунда.

– Хорошо, как хочешь.

Мирослав стал серьёзным.

– Убеждён, что такие явления имеют абсолютно нестандартные причины. За всю историю наблюдений за природой человечество ничего подобного не регистрировало. Значит, в недрах земли произошло что-то неординарное.

– Что?

– Не знаю. Будем изучать. Нам невероятно повезло, что мы первыми наткнулись на Опухоль.

Сделав круг над сверкающей водяной горой, вертолёт повернул к лагерю.

До обеда Мирослав разбирался в записях, сделанных вискозиметром, батитермографом, спектрографом и другими анализаторами физических параметров среды. Вместе с молодым охотником-эскимосом по имени Нанук сплавал к островку, из центра которого выросла Опухоль, и с помощью ареометра и нефелометра провёл количественный химический анализ пород островка и воды в заливе. Он даже влез на край Опухоли, на те пласты камня, которые влипли в воду и казались приклеенными, но взять нормальную пробу жидкости так и не смог. Поверхностное натяжение плёнки воды оказалось столь невероятно сильным, что не позволяло никакому инструменту проникать внутрь материала Опухоли.

Впрочем, это всё-таки была вода. Пробник пару раз становился влажным, и экспресс-лаборатория по ничтожному количеству влаги снова и снова выдавала ответ: Опухоль состояла из обыкновенной морской воды.

Вечером геологи собрались у костра, вскипятили воду для чая.

Эскимосы пить чай отказались, разожгли свой костёр в сторонке.

К мужчинам присоединилась Наталья, натянувшая поверх лётного комбинезона тёплую куртку, и Кожухин доложил Веллеру-Махно свои выводы:

– Это очень странная аномалия. Опухоль состоит целиком из самой обычной морской воды. Солёность, гидратация, жёсткость, минерализация – в норме. Я имею в виду – соответствуют нормальной воде. С физическими параметрами сложнее. Температура Опухоли ничем не отличается от температуры воды в заливе, радиации никакой, электромагнитные поля практически отсутствуют, а плотность замерить не могу. Плёнку воды, сохраняющую форму капли, я не только ареометром продавить не могу, но даже киркой пробить. То есть поверхностное натяжение как минимум на два порядка выше, чем у обычной воды. Если бы натяжение было меньше, форма капли была бы другой, и на ней не держались бы целые пласты пород и каменные блоки, когда вода взламывала остров.

– Откуда она взялась? – спросил багровый от выпитого чая Химчук.

Мирослав пожал плечами.

– Вероятно, поднялась по какой-то расщелине из глубин земли. Я разговаривал с охотниками, они утверждают, что на острове была пещера, уходящая глубоко под землю. По их верованиям, это вход в жилище Тарнарсука – духа царства мёртвых. Якобы кто-то из людей

пытался проникнуть в жилище духа, и на свет божий вылез Аппалувик, дух смерти и разрушений.

Дядька скептически скривил губы.

– Ты их слушай больше, они ещё и не такого наговорят. Опухоль ни с какой мистикой не связана, необыкновенное физическое явление, и только. Его тщательно изучать надо. Пусть пацанва занимается этим потихоньку, а нам пора приступать к своим делом, искать маркшейдерские метки и закладывать шурфы. А для этого нужен вертолёт.

– Мне тоже нужен вертолёт, – сказал Мирослав, пропустив мимо ушей слово «пацанва».

– Обойдёшься два-три дня.

– Мне нужно делать замеры со всех точек каждый день.

– Не собираешься же ты высаживаться на макушку Опухоли.

– Может, и соберусь.

– Стоп, спорщики, – сказал Веллер-Махно. – Я составил график полётов. Утром на один час и вечером вертолёт поступает в распоряжение Кожухина. Днём он с нами. И всё-таки я не понял, Слава, с чего это вдруг из-под земли выдавилась эта мокрая громадина? Там что-то взорвалось?

– Не знаю. – Мирослав загорелся. – А вообще идея хорошая! Может, где-нибудь под мантией сохранился мешок с водой, нагрелся и под большим давлением вырвался через трещину наружу. Или через пещеру, о которой говорили эскимосы. Мне бы эхолот пригодился, а ещё лучше многочастотный радиосканер для просвечивания пород. Сразу бы определили, есть тут ход в недра или нет.

Геологи переглянулись.

– У нас есть гаммаген, – сказал Химчук расслабленно.

– Во-первых, – покосился на него Дядька, – он нам самим нужен, а во-вторых, он просвечивает породы всего до глубины в полкилометра.

– Да мне больше и не надо, – обрадовался Мирослав.

– Выделим, – пообещал Веллер-Махно. – Тебе же он не нужен постоянно?

– На часок всего.

– Ладно, договоримся.

Кожемякин допил чай, занятый своими умозаключениями, направился было к обрыву, но вспомнил о существовании Натальи, замороженно глядевшей на угли костра, и предложил:

– Не хочешь перед сном полюбоваться на Опухоль?

Девушка очнулась, поднялась со смущённой улыбкой:

– Замечталась... давно так спокойно не сидела... да, пойдём, посмотрим.

Мужчины, оставшиеся у костра, смотрели им вслед.

А они чуть ли не час, почти не разговаривая, в полной тишине северной ночи, почти не отличавшейся ото дня, разглядывали водяную гору, отблёскивающую синим и зелёным, и думали каждый о своём.

– Красиво как! – выдохнула Наталья.

Мирослав кивнул, хотя ему было не до романтики. Он прикидывал, с какой стороны сделать шурф под Опухоль, чтобы уточнить характеристики среды в непосредственной близости от феномена.

Благово База ВВС

Несмотря на высокий уровень современной компьютерной системы связи, позволяющей почти мгновенно решать большинство задач по обмену информацией, руководители вечерней службы предпочитали чаще обсуждать проблемы на «живых» совещаниях. Всё-таки существовала немалая вероятность перехвата сообщений, передающихся по любым, даже сверхзащищённым, линиям связи, а тем более когда перехватом занимались магические эгрегоры, управляемые жрецами-магами СТО. Поэтому главные решения волхвы и заботники ВВС принимали в присутствии друг друга.

Двадцать девятого июня в офисе компании «Ком-С» на Сухаревской собрались в девять часов утра пять человек, относящихся к руководству РуНО и подразделений ВВС. Совещание начал Владимир Владимирович Белогор, президент корпорации и пресветлый князь Русского национального Ордена.

– Буду краток, друзья. Хотелось бы услышать о конкретных делах подразделений, о проблемах, с которыми вам пришлось столкнуться, и выработать стратегию на ближайшие полгода. Степаныч, тебе слово.

Пожилый, степенный с виду, ни дать, ни взять – деревенский мужичок, с успехом занимающийся ремонтом техники на хоздворе, – воевода Николай Степанович Корнейчук пригласил на темени редкие волосы.

– В середине июля в Питере состоится очередной форум «Гиперборей – Арктида – Арьяварта», тема – истоки цивилизации. Стало известно, что подручные лорда Акума в России, Кадуми, Чоловс и Отто Мандель, готовят провокацию. Надобно усиление по охране учёных и вообще самой конференции.

Белогор посмотрел на Буй-Тура.

– Гордей Миронович, дашь своих людей?

– На мне охрана Володина в Жуковке и Жирко в Томске.

– Дело важное.

– Могу выделить людей из группы Северцева, – нехотя сказал Буй-Тур.

– Северцев справится с охраной учёных и без тебя. Желательно, чтобы ты сам отправился в Питер.

– Как прикажете.

– Это очень важное мероприятие, наметился серьёзный прорыв в разгерметизации древних знаний о Гиперборее, и жрецы СТО сделают всё, чтобы не допустить нас к тайнам древних цивилизаций. Надеюсь, вам не надо напоминать об ответственности за порученное дело. Идёт война жрецов СТО не за умы, а за души! Чем больше людей перейдёт на сторону Акума, тем сильнее власть пастухов помельче и самого Великого Отца. Даже в наших рядах находятся слабые, неуверенные в себе люди, которых легко переманить посулами и которые становятся предателями. Что, кстати, и происходит. Гибель наших разведчиков в Гренландии не в последнюю очередь обоснована предательством в системе СОС.

– Я не занимался Гренландией, – меланхолически пожал плечами Буй-Тур, приняв сказанное на свой счёт.

– Я занимаюсь Гренландией, – сверкнул глазами Родарев. – Моя ошибка, что я не контролировал подготовку задания лично. Тем не менее работа ведётся, лишние люди выведены за пределы системы ведания, а в Гренландии работает витязь.

– Данилин. Что нового от него?

– Гостомысл рёк истину: Геократор давно нашёл вход в патерниаду, систему гиперборейских тоннелей, и провёл какой-то эксперимент, в результате которого из гренландского тоннеля выдавилась аномально связанная, по сути – поликристаллическая вода. Данилин выяснил всё, что мог, дальше ему хода нет.

– Значит, возвращайте его.

– Задание вернуться он уже получил, через пару дней будет в Москве.

– К теме: по докладам ваших служб водяные сверхкапли, подобные той, которую обнаружил Данилин в Гренландии, замечены и в других местах, практически на всех северных землях Европы, Азии и Америки.

– Девять капель. С лёгкой руки Степаныча мы называем их водяными Опухолями. Пять находятся на территории России: на Кольском полуострове, в устье реки Печенги, на островах Земли Франца-Иосифа и Новой Земли, в районе Вилюя и на Чукотке.

– Бросьте на них все наши силы. Нам надо добраться до сети тоннелей, а по всем расчётам капли... э-э, Опухоли вылезли как раз из пещер, венчающих тоннели.

– Готов представить план мероприятий. Но людей у нас не так много, как хотелось бы, поэтому будем заниматься Опухолями по очереди. На следующей неделе одна группа отправится на Кольский полуостров.

– Одной группы мало.

– Я закинул директору конторы идею разведки артефактов на Земле Франца-Иосифа. Вопрос прорабатывается. Если будет дано разрешение, на острова пойдёт официальная экспедиция, и мы сможем присоединить к ней наших специалистов.

– Поторопись, князь. Тивел с Акумом не зря затеяли возню вокруг тоннелей, что-то они нашли там под землёй, что-то очень важное, иначе не стали бы рисковать с экспериментами, будить древние силы.

– Что говорит Гостомысл?

– Владыко утверждает, что Геократор мечтает о запуске гиперборейского Водоворота и подъёме Храма Странствий. Возможно, Тивел и попытался это сделать, да не учёл заклинаний Запрета. Вот тоннели и закрылись. Но зная упрямство Кондуктора Социума, не стоит сомневаться, что он пойдёт дальше. С этого дня наши разведка и контрразведка переводятся на усиленный режим работы.

– Слушаюсь, Владимир Владимирович.

– Подключите к проблеме тоннелей всех витязей.

– Свободных нет ни одного...

– Освободите, кого сможете, от других дел.

– Хорошо.

– Теперь о других наших заботах. – Белогор посмотрел на Лихаря. – Иван, на тебе СОС и ППП.

Координатор востребованности витязей восторженно встрепенулся.

– В принципе мы справляемся. Ни Грузия, ни Украина, слава богам, уже не торопятся в НАТО. Бесноватого грузинского «фюрера» поправили сами же грузины, но ему на смену пришла «леди-смерть», готовая пойти гораздо дальше. Ею тоже надо заниматься. В Крыму необходимо успокоить татар, готовых отделить полуостров не только от Украины, но и от России.

– Что с украинским подпольем?

– Два дня назад нам удалось уточнить третий выпуск агентов разведшколы в Киеве, управляемой эмиссарами ЦРУ. Сегодня этот список появится в Интернете. В работе с учёными никаких неожиданностей. В Жуковке Леон Володин готовит к запуску экспериментальную виману, защита обеспечена. Из внутренних дел отмечу разработку VIP-сопровождения чиновников из «Промгаза».

– А что там такое? – поднял брови Буй-Тур.

– Администрация «Промгаза» создала целую сеть «модельного бизнеса» для сопровождения чиновников в командировки и на отдых. Пытающихся сопротивляться молодых девушек запугивают... ну, и так далее. «Крыша» у системы очень высокая, отсекает все попытки раскрутить это дело в прессе, но мы их вразумим.

– Да, пока это проблема, – согласился Родарев, – несмотря на все антикоррупционные кампании и правительственные зачистки. Чиновник хочет жить лучше всех, кем управляет. Проблему хакеров решили?

– Кое-что предприняли, двух посадили.

– Идиоты грёбанные, – пробурчал Буй-Тур. – Неужели не понимают, что их когда-нибудь да схватят за руку?

– Проблема воспитания, – усмехнулся Степаныч. – Сложнее проблемы нет. Даже продавцы секретных баз данных не доставляют нам столько хлопот, сколько хакеры.

– Мочить их!

– Всех не перемочишь, к сожалению, опять же нужна адекватная система воспитания, идеологическая платформа, разъяснительная работа.

– Есть и внешние проблемы, – продолжил Лихарь. – Но они решаемы. В Афганистане начала работать система ликвидации полей опийного мака, которая основана на реализации занятости населения в реальном производственном секторе. Монголию мы почти успокоили, на очереди Турция, Сербия, Албания, Израиль. Плюс наши бывшие республики – Белоруссия, Азербайджан, Узбекистан.

Белогор кивнул.

Речь шла о так называемых «оранжевых революциях», насаждаемых Союзом тайных Орденов с помощью ЦРУ и других спецслужб Европы и Америки в странах, окружающих Россию. Подобные «революции» зародились ещё в начале века, когда в Соединённых Штатах был разработан «План глобального Раздела» и его концепции проверялись на бывших советских республиках. Убереглись от «революций» лишь немногие из республик, властные структуры которых хорошо понимали всю пагубность подобных процессов. Однако и в последующие годы «План Раздела» продолжал действовать, и в его орбиту втягивались всё новые и новые страны в Европе и Азии: Чехословакия, Югославия, страны исламского кольца, а затем Монголия, Индия и страны Африки.

В Монголии «оранжевая революция», названная «революцией юрт», не прошла. Да и в Индии попытки тамиллов «отрубить» часть государства и построить «свободное демократическое общество» тоже пока не достигли цели, хотя обстановка в северо-западных областях страны оставалась напряжённой, продолжали гибнуть люди.

– Турция на грани гражданской войны, – сказал Белогор. – И без вмешательства янычар Акума не обошлось. Надо обезглавить руководство СТО, занимающееся Турцией и всем Кавказом.

– Занимаемся, – сказал Лихарь. – После операций в Хосове и в Ливии я отправлюсь туда лично.

Белогор снова кивнул, зная, о чём идёт речь.

Международная организация «Чистые души», прозванная «чистилищем», созданная ещё в конце двадцатого века в Испании, предложила РуНО участвовать в ликвидации главарей бандформирований, запятнавших себя кровью, ставших в результате «оранжевых революций» президентами «свободных демократий» и обласканных Гаагским трибуналом. После долгих многолетних размышлений ВВС России откликнулось на просьбу. Политика «двойных стандартов», проводимая пособниками СТО, не должна была шествовать по Европе торжественным маршем. За ней стояли известные всему миру спецслужбы, а управляли спецслужбами агенты СТО. Лорд Акум и геарх Тивел медленно, но верно опутывали международное сообщество.

щество паутиной своих методологических, концептуальных и идеологических диверсий, приближаясь к главной цели – абсолютной власти на Земле. Координировал же их работу Экзократор во главе с нечеловеком Аротом, Решателем Судеб, Превышним и Смотрящим, как его называли.

– Пора с ним кончать, – проворчал Буй-Тур, отлично понимая недосказанное.

– План уничтожения резиденции Смотрящего готовится, – сказал Родарев.

Белогор кивнул в третий раз.

Речь шла об уничтожении базы Экзократора, расположенной на борту самого большого в мире корабля «Солнце Свободы». Этот удар не мог полностью лишить «пастухов» человечества их власти, но серьёзно нарушил бы их планы и ослабил влияние чёрных сил на все управленческие структуры в мире. Особенно – на институт власти в России.

– Хорошо, продолжаем правление. Альтернативы «чистилищу» пока нет. Наше учение завоёвывает души соотечественников медленно, школы не успевают готовить правников и заботников Рода. Вот главная наша забота – школы истинного знания.

Буй-Тур усмехнулся.

Князь остро глянул на него.

– У тебя есть возражения?

Гордей качнул головой.

– Вспомнил одно четверостишие.

– Напомни и нам.

– Рынок? Вера? Ни хрена!

Только грозная година

Соберёт нас воедино,

Как в былые времена.

По губам Белогора скользнула улыбка.

– Возможно, поэт⁴ был прав.

– Волхвы должны помогать нам в этом вопросе больше, – тихо проговорил Лихарь. – Пора перестать прятаться, надо наступать. Иначе потеряем Россию.

– Согласен, воевода. Для обсуждения этой проблемы я и пригласил на встречу наших заботников.

Белогор посмотрел на дверь, она открылась, и в кабинет князя один за другим вошли старцы, Хранители Рода, живущие среди людей как обычные люди, но знающие все тайны мира и прозревающие будущее.

Руководители ВВС дружно встали, поклонились.

Волхвы ответили им. Расселись.

Владыко Гостомысл сел рядом с Белогором.

Все молча смотрели на старика.

Он огладил бороду сухой рукой, сказал звучным голосом:

– Здоровы будьте, родовичи. Начну с важного: Тивел нашёл Ключ Храма Странствий и попытался запустить Водоворот...

⁴ Е. Лукин.

Европа. Хосово Тарасов

Тарасов приехал в Хосово через Македонию, имея на руках документы на имя турка Саида Метоху, в начале июня.

Бойцы группы присоединились к нему чуть позже, пересекая границу «наполовину признанной» республики, как жители Албании, Турции, Черногории. В середине июня все были в сборе, устроившись в Приштине, Урошеваце и Гнилане: Нос – Егор Лукаш, Хохол – Серёга Сергиевский, Хан – Резван Темирхан. Не было только Грозы – Ивана Пантелеева, погибшего два года назад, и его место в группе занял Доктор – Кирилл Баргузин, тридцатилетний спецназовец из Красноуфимска, прекрасно владеющий албанским, турецким, сербским и английскими языками.

Задача перед ними была поставлена одна: ликвидировать помилованного Гаагским трибуналом Тачима Хаши, лидера албанских сепаратистов, сумевшего отколоть с помощью американцев край Хосово от Сербии. Все материалы, собранные военными Сербии на Тачима Хаши, изобличающие его как преступника, убившего собственноручно десятки сербов, на трибунал не подействовали. А так как Тачим Хаши продолжал свою политику отставания интересов США в регионе, изгоняя из края, а где и уничтожая коренных жителей, «чистилище» приняло решение изменить эту тенденцию.

Американцами, имеющими несколько баз на территории Хосова, начали заниматься чистильщики из европейских стран. Тачима Хаши поручили российскому отделению «чистилища», и Тарасов, возглавляющий к этому времени подразделение СОС, отправился в Хосово лично. Операцию надо было провести ювелирно, чтобы никто в Европе и Америке не догадался, кто «зачистил» край от подонка, сумевшего стать президентом.

Тарасов попытался отказаться от задания, получая его от Родарва:

– Я не убийца...

Князь остался спокоен.

– Зато он убийца. Вот досье: по нашим данным он лично убил около сотни человек, сербов, словенцев и русских.

Тарасов помолчал.

– Тогда надо заняться и теми, кто ему помогает.

– Занимаемся.

Отказаться от задания Владислав не смог.

Почему Тачиму Хаши помогали американцы, было абсолютно понятно.

Во-первых, на территории Хосова они понатыкали свои базы, обозревающие локаторами всё западное пространство России.

Во-вторых, несмотря на название – Хосово – с сербского переводилось как «земля чёрных дроздов», – край был богат не только дроздами, но и полезными ископаемыми: свинцом, цинком, никелем, кобальтом, бокситами, имел хорошие запасы индия, германия, таллия и лигнита.

В-третьих, население Хосова, на три четверти состоящее из молодых людей не старше тридцати пяти лет, в основном не работающее, легко было направить куда угодно, хоть работать, хоть воевать, отстаивать интересы «демократии и свободы».

Особенности жизни в Хосовое, её географию, экономику и культуру группа изучила ещё на базе, но всё же несколько дней бойцам пришлось вживаться в свои роли, учиться поведению у жителей городков и сёл, искать работу и собирать информацию о передвижении чиновников из высшего эшелона власти края.

Двадцать первого июня стало известно, что президент республики собирается посетить военную базу американцев в Урошеваце, и группа приступила к разработке плана перехвата президентского кортежа. Приштину, столицу Хосова, отделяло от Урошеваца всего сорок километров, поэтому Тачим Хаши должен был либо ехать на автомобиле в сопровождении охраны, либо лететь на базу на вертолёте.

Обсудили оба варианта.

Первый – автомобильный казался более хлопотным и вязким, поскольку требовал установки на пути кортежа взрывного устройства либо устройства засады с гранатомётчиками.

Второй – вертолётный не требовал особой подготовки и имел очевидные преимущества: выпустил ракету из ПЗРК – и умыл руки.

Но к большому сожалению стрелять из переносного ракетного комплекса отряд Тарасова не имел права, потому что количество жертв при этом было непредсказуемо. И хотя сопровождали лидера «хосовской оранжевой революции» такие же отморозки, как он сам, Тарасов вынужден был отказаться от расстрела вертолёта. Действовать надо было тоньше, изобретательнее, так, чтобы погиб только Тачим Хаши, по которому давно плакала петля.

За сутки непрерывного бдения план с автомобильной засадой был наконец окончательно сформирован, оброс деталями и запасными маневрами, и группа приступила к его реализации.

Климат в Хосове был континентальный, с тёплым летом и холодной снежной зимой, поэтому в конце июня температура в крае держалась на уровне двадцати двух – двадцати шести градусов выше нуля. При этом жители края редко ходили в рубашках с короткими рукавами, что было на руку диверсантам. Носить куртки и безрукавки было удобнее, так как это позволяло иметь при себе много необходимых вещей.

Вечером двадцать шестого июня собрались все вместе на конспиративной квартире в Приштине, в доме на улице Вучи.

– Предлагаю рвануть клиента при подъезде к Яневу, – сказал Хохол, а ныне – македонец Измир Прилеп. Благодаря усам, складу лица и характеру он действительно смахивал на македонца.

Ещё в бытность Тарасова полковником и командиром группы десанта Службы внешней разведки Хохол играл роль водителя и пилота. Продолжал он играть ту же роль и сейчас, но всегда имел свою точку зрения и не боялся её отстаивать.

– Да, Нос? – посмотрел «македонец» на Егора Лукаша.

Подрывник пожал плечами. Он-то как раз чаще отмалчивался, предпочитая давать советы лишь в тех случаях, когда решение проблемы зависело от его профессионализма.

– Взорвать можно кого угодно и где угодно.

– В Яневе есть удобный поворот направо к аэропорту, мимо которого кортеж не проедет, а главное, там очень симпатичный овраг, по которому можно легко уйти к дороге и сесть в тачку.

Тарасов посмотрел на Хана.

– Твоё мнение?

– Любой взрыв повлечёт за собой включение плана перехвата. Далеко мы не уйдём. Перекроют все дороги. Лучше использовать «винторез».

– А выстрел из снайперки лучше? – хмыкнул Хохол.

Оба посмотрели на Тарасова.

Он помолчал, разглядывая на экране ноутбука схему операции.

С оружием проблем не было, хотя с собой группа из России ничего не везла. Оружие свободно можно было купить здесь, на месте, почти любое. Не «винторез» – исключительно надёжный российский снайперский комплекс, но достаточно мощную винтовку западного производства. Однако Хан был прав, быстрый отход группы был практически невозможен. Оста-

вался лишь вариант, при котором группа рассеивалась по местности, бойцы затаивались в схра-нах, в местных сёлах на какое-то время, а потом поодиночке переходили границу Хосова.

– Есть другое предложение, – сказал молчавший до сих пор Доктор.

– Да? – поднял голову Тарасов.

– Экзотика.

Хохол фыркнул.

– Давайте заглядим его до смерти. Тачим часто выступает перед соратниками. Чем не экзотика?

– Что ты имеешь в виду? – спросил Хан.

– Я участвовал в операции «Укол» в Америке, – остался невозмутимым Кирилл. – В Нью-Йорке. наших спортсменов стали принципиально отлавливать перед крупными международными соревнованиями в подозрении на допинг. Случаи употребления допинга действительно были, но чаще подозрения заканчивались невнятными извинениями допинг-комитета.

– Ну, насколько я знаю, эта бодяга началась ещё лет десять назад, – сказал Хан, – перед пекинской Олимпиадой.

– Продолжай, – переждал шум Тарасов.

– Надо было выйти на председателя антидопинговой комиссии США, с подачи которого всё это и делалось. Мы применили разработанный американцами же «нокаут» и заставили этого деятеля во всём признаться перед телекамерами и кучей журналистов.

– Помню, скандал получился изрядный, – кивнул Нос.

– «Нокаут» – это что-то психотронное? – уточнил Хан.

– Психотронный генератор, подавляет волю.

– У вас было больше времени на подготовку.

– Около двух месяцев.

– Что ты предлагаешь конкретно?

– Использовать экзотику: «ёрш» с парализующими иглами, инфран «хирург», воздействующий на внутренние органы. Через пару часов у клиента, к примеру, останавливается сердце. Вы разве не применяли такие игрушки?

– Почему не применяли? – сказал Хан. – Тазеры применяли с передачей электроимпульса по лазерному лучу, «крикун», «мыльный» газ, «смирительную рубашку».⁵ Но все эти игрушки в основном хранятся в спецхранах ЦРУ и в Лос-Аламосе, где они разрабатываются. Вряд ли мы успеем раздобыть их к сроку.

– Да, инфран нам не помешал бы, – кивнул Нос.

– Хорошая идея, – согласился Тарасов. – Но для того, чтобы инфран сработал стопроцентно, надо подобраться к объекту как можно ближе, метров на десять. Сможем?

Бойцы переглянулись.

– У нас есть инфран? – почесал усы Хохол.

Все посмотрели на Тарасова.

– Допустим, инфран у нас будет, – медленно сказал он, с некоторым удивлением разглядывая нового члена группы. – Как мы подберёмся к объекту?

– Кorteж надо остановить всего на несколько секунд. Я изучал местность на пути следования. Объект поедет в Урошевац по трассе Приштина – Скопье, через Янево и Липлян. Другой дороги просто нет. За Липляном дорога на протяжении километра идёт вдоль речушки...

– Всё равно надо что-то взорвать, – перебил Кирилла Хохол, – чтобы остановить колонну.

– Не надо ничего взрывать, там три моста, можно один разобрать наполовину, сузить дорогу до одной полосы, остальное – дело техники.

⁵ Тазер – электрошокер, «ёрш» – пистолет-игломёт, «крикун» – генератор шума, «смирительная рубашка» – быстрозастывающая полимерная пена, инфран – инфразвуковой излучатель.

Бойцы группы снова дружно посмотрели на командира.

Тарасов помолчал, не спеша с ответом, то укрупняя схему операции на экране ноутбука, то уменьшая. Думал он о том, что у более молодых оперативников мышление креативнее и решения они находят быстрее.

– У нас же есть свои штатные колдуны, – заметил Хохол меланхолично. – Пусть колданут, отведут глаза охране...

– Колдовство необходимо там, где без него просто нельзя обойтись, – покачал головой Тарасов. – Мы и сами справимся, не с такими ситуациями справлялись. Или у тебя задрожала нижняя чакра?

– Обижаешь, командир.

– В таком случае, господа македонцы, албанцы, турки и цыгане, давайте обсосём предложенный вариант со всех сторон.

Бойцы придвинулись ближе к столу.

* * *

Тачим Хаши выехал в Урошевац двадцать девятого июня, в девять часов утра, на длинном, чёрном, бронированном «Хорхе».

Его сопровождали четыре машины с охраной: мощные джипы «Escalade» – и два синезелёных полицейских «БМВ» с белыми полосами и спецмигалками.

На всём протяжении трассы от Приштины до Урошеваца, где располагалась вторая по величине военная американская база, были расставлены посты автоинспекции республики, а в самом Урошеваце кортеж должен был встретить комиссар международных полицейских сил KFOR.

Полицейские посты распределялись по дороге почти равномерно, на расстоянии от двух до трёх километров друг от друга.

Под городком Липляном трасса делала три поворота, образуя латинскую букву «s», пересекала три моста и дальше шла почти прямо до самого Урошеваца. Посты здесь располагались на каждом мосту и не видели соседей из-за холмов и леса.

Полицейские заняли пост на втором мосту, переброшенном через неширокую речку Гниловаце, в начале девятого утра, осмотрелись и стали ждать проезда главного действующего лица.

Через двадцать минут со стороны Липляна показался старый пикапчик «Шкода», пытаясь подняться на мост и остановившись, чихнув.

Водитель, смуглолицый усатый македонец, вылез из кабины под внимательными взглядами полицейских развёл руками: старьё, мол, что поделаешь, – открыл капот.

Один из полицейских подошёл к нему, хмуро оглядел машину, буркнул на албанском:

– Здесь нельзя останавливаться.

В настоящее время население Хосова на девяносто пять процентов составляли албанцы, поэтому государственным языком, естественно, стал албанский.

Усач, не оглядываясь, ткнул пальцем в мотор.

Полицейский подошёл ближе, наклонился... и получил короткий удар в лицо, отбросивший его к перилам моста.

Напарник полицейского опешил, схватился за карабин.

Но за его спиной возник человек, тенью перемахнувший через перила моста с другой стороны, сжал шею полицейского особым приёмом, и тот, дёрнувшись, затих.

Возник второй человек, в полицейской форме.

– Пакуем, быстро! – Фраза была сказана по-русски.

Вместе с водителем пикапа и первым нападавшим они мгновенно загрузили тела полицейских в пикап, и вовремя: мимо проехали один за другим несколько грузовых и легковых автомобилей.

Пикап уехал, но вскоре вернулся к оставшемуся на мосту «полицейскому». Из него вылез второй «полицейский» – переодетый в форму представителя власти Доктор, за ним – Хан и Нос в форме дорожных рабочих. Они начали выгружать из пикапа дорожные знаки и строительные инструменты.

Хохол – «македонец»-водитель взялся за перфоратор и за несколько минут прорубил в покрытии моста несколько канавок.

В течение четверти часа мост преобразился.

Весь транспорт вынужден теперь был пробираться по одной полосе, так как вторая оказалась перегороженной и на ней копались рабочие, затеяв нехитрый ремонт.

Хохол бросил перфоратор, сел в пикап и уехал. Вернулся через несколько минут уже на контейнерном кране, развернулся, выдвинул стрелу и сгрузил с подъехавшего пикапа – за рулём сидел Нос – ограждение и две плиты.

Полицейские – Тарасов и Доктор – смотрели на возню рабочих с философским спокойствием, поглядывая на дорогу и на проезжающие машины, изредка закрывая проезд – для тренировки.

В четверть десятого полицейская рация принесла Тарасову, исполняющему роль старшего, весть о выдвижении колонны президента из Приштины.

– Понял, – ответил он по-албански, подражая манере говора своего визави, в настоящий момент связанного и отдыхающего в кустах под мостом.

Это был самый ответственный момент. Несмотря на то что десантники допросили полицейских и выяснили, что и как они отвечают на запросы начальства, существовал шанс, что ответственный за сопровождение кортежа почувствует неладное и пошлёт подчинённых проверить, почему полицейские в районе моста через Гниловаце бубнят не по уставу.

Однако обошлось. Тарасов скопировал голос полицейского удачно, у командира группы оцепления подозрений не возникло.

Доктор, получивший такое же сообщение, посмотрел на Тарасова со своей стороны моста.

Владислав придвинул к губе усик оперативной – «родной» рации:

– Готовность «раз»!

«Рабочие» развернули ограждение, натыкали в дорогу арматурные стержни, поправили красно-белые конусы ограничителей движения.

Группа приготовилась к команде «начали!».

– Двадцать минут до драйва, – доложила рация.

– Ждём, – отозвался Тарасов.

Им помогали спецы из подразделения информационного обеспечения и целеуказаний СОС, имевшие свои системы разведки, поэтому ударной группе не нужно было отвлекаться на дополнительные мероприятия, требующие большой затраты времени и средств.

– Пятнадцать минут до драйва!

– Принял.

Проехали две финские фуры.

Поток машин нарастал, автомобили стали скапливаться в пробки с обеих сторон шоссе. Но водители не роптали, полагая, что у дорожных рабочих имеется веская причина для перекрытия одной из полос.

– Десять минут до... – Голос в наушнике рации на секунду пропал. – Внимание, директива «ноль в ноль»! Отбой операции!

– В чём дело?! – не поверил ушам Тарасов.

– Секунду... сообщение из центра... броня «Хорьха» ослабляет инфразвук в десять раз. Инфран не работает. Сворачивайтесь!

Тарасов выругался, ощущая себя как старик перед разбитым корытом из сказки Пушкина.

Заподозривший неладное Доктор подошёл ближе.

– Что?

– «Ноль в ноль»!

– С какого бодуна?! – изумился оперативник.

– Броня «Хорьха» ослабляет инфразвук. Центр отменяет операцию.

Доктор думал ровно две секунды. Он всё понял мгновенно.

– Значит, надо выманить объект из машины.

– С ума сошёл?! Как?

Ещё две секунды размышлений.

– Авария.

Тарасов не понял.

– В смысле?

– Устроим на мосту аварию.

– Вряд ли это заставит Тачима выйти из машины.

– Аварию надо рассчитать так, чтобы она произошла прямо на глазах президента, а ещё лучше – с одним из джипов сопровождения. Главное, чтобы открылась дверца «Хорьха».

– Не успеем.

– У нас есть альтернатива?

Теперь уже задумался на пару секунд Тарасов. Включил рацию:

– «Глаз-один», связь с центром.

– Директива императивная.

– Дайте связь!

В наушнике стало тихо, затем после двух щелчков раздался тихий голос:

– «Дельта», слушаю тебя.

– Степаныч! – разобрал, кому принадлежит голос, Тарасов. – У нас есть шанс.

– Уверен?

– Пятьдесят на пятьдесят.

– Мало.

– Разреши попробовать.

– Вы не должны рисковать безбашенно.

– Я понимаю. Протяните нам канал «ПВ»,⁶ попросите Гостомысла. Мы справимся!

Короткое молчание.

– Хорошо.

Тарасов посмотрел на Доктора:

– Работаем! Конкретика?

– Стрела крана имеет аварийный реверс...

– Плюс струя «жидкого льда»...

– И джип летит в кювет!

– Лучше сбросить «Хорьх». В этом случае Хаши вылезет из машины вынужденно. Лишь бы не начала стрельбу охрана.

– Здесь узко, разоружим первый джип и уедем.

Тарасов стукнул ногтем пальца по усика микрофона, подавая сигнал «внимание»:

– Меняем план! Работаем следующим образом...

⁶ «Пассионарное везение» – канал психоэнергетической поддержки.

Инструктаж длился минуту. Затем группа начала без суеты и спешки действовать в режиме форс-мажора. Бойцы умели приспосабливаться к любому повороту событий и не тратили зря силы и нервы на панику и напрасные переживания.

Когда рация сообщила, что до подъезда кортежа Тачима Хаши остались секунды, десантники СОС были готовы встретить его во всеоружии.

Показалась головная машина полицейского эскорта. Увеличила скорость: полицейские увидели перекрытую полосу и дорожных рабочих в оранжевых робах.

Тарасов – он стоял перед мостом – кинул два пальца к околышу фуражки.

Машина остановилась, из неё выскочил толстенький черноволосый коротышка-полицейский с автоматом через плечо, заорал фальцетом, по-албански:

– Кто позволил?! Что тут происходит?!

Тарасов пожал плечами.

– Они тут с утра, показали наряд-заказ, документы в порядке.

– Какой наряд-заказ?! Трасса должна быть освобождена! Вас что, не предупредили?

– Предупреждали.

Глаза толстяка сузились.

– Серб, что ли? Говоришь с акцентом. Имя, батальон.

– Я татарин, капрал Сабир Набикул, двенадцатый батальон.

– Что-то я не припоминаю там...

Рывкающий сигнал за спиной заставил полицейского оглянуться.

Это подъехал первый джип сопровождения с охраной президента.

– Убирай их к дьяволу!

– Вы проедете, а пока они будут убирать технику...

– Я сказал – всех с дороги!

Раздался ещё один рывк.

Полицейский нервно засуетился, побежал к своей машине, на ходу пообещав «Сабиру Набикулу» выгнать его со службы.

Автомобиль с полицейскими тронулся с места, свернул на освободившуюся полосу мимо стоящих автомобилей, задержанных Тарасовым за несколько минут до этого.

За полицейской машиной тронулся джип, затем вся внушительная колонна президентского кортежа.

«Хорьх» двигался за вторым джипом. Стёкла его были тонированными, поэтому, кто и сколько человек едет в автомобиле, не было видно.

Джипы миновали вытянувшихся в струнку «дорожных рабочих», пикап и контейнерный кран.

«Хорьх» приблизился к крану.

В то же мгновение стрела крана стала падать, грозя ударить по переднему стеклу машины.

Водитель, заметив это опасное движение, вдавил педаль газа и рванул руль «Хорьха» влево, не зная, что аварийный реверс не допустит сброса стрелы крана.

Действительно, стрела резко провалилась вниз всего на полтора метра и остановилась.

Зато не остановился «Хорьх».

Хан, удачно расположившийся за корпусом автокрана, успел выпустить струю «жидкого льда» под колёса «Хорьха», причём так ловко, что никто этого не заметил: ни водитель и пассажиры бронированного чудовища, ни полицейские, ни водители скопившихся по обе стороны моста автомобилей.

Тарасов мимолётно подумал, что волхвы всё-таки согласились протянуть канал «ПВ» в Хосово и фактор везения сработал отменно. Потом думать стало некогда и вредно, пришёл его черёд выходить на сцену.

«Хорьх» занесло влево, так что он ударился кормой о бордюр моста, едва не проломив ограду.

Водитель резко крутанул руль вправо, и это было его ошибкой, потому что передние колёса машины уже проскочили полосу «жидкого льда» на асфальте, а задние только что въехали на полосу, и «Хорьх» снова занесло, теперь уже кормой влево. Правое заднее колесо ударилось о лежащую косо бетонную плиту, и машина грузно перевернулась, пропахав крышей асфальт и сбив ограждение «ремонтруемого» участка моста.

Тарасов метнулся к «Хорьху», нащупывая под полой полицейской куртки рукоять инфрана.

Захлопали дверцы: это из остановившихся джипов начали выскакивать телохранители Тачима Хаши.

Открылась и правая задняя дверца перевернувшегося «Хорьха».

Тарасов подскочил к ней раньше всех, увидел красное злое лицо президента Хосова, нажал на спуск и тут же подал руку:

– Господин президент!

Тачим Хаши вздрогнул, бледнея.

Тарасова грубо оттолкнули в сторону, крупногабаритные парни в чёрных комбинезонах, вооружённые до зубов, подхватили своего кумира, помогли вылезти из машины.

Подбежали запыхавшиеся полицейские.

– В джип его, быстро! Господин президент, просим вас пересесть в джип, надо ехать. Мы тут разберёмся, в чём дело. В Урошеваце вас будет ждать другой автомобиль.

Тачим Хаши заторможенно помотал головой и на подгибающихся ногах, обвисая на руках телохранителей, направился к сдавшему задом «Escalade».

Тарасов, в общей суматохе точно нацеливший инфразвуковой излучатель, выстрелил ещё раз.

Хаши едва не упал, но его подняли, полагая, что он в шоке от аварии, втащили в джип.

Снова захлопали дверцы джипов и машин сопровождения.

– Я сейчас вернусь! – Толстый полицейский помахал кулаком перед лицом вытянувшегося по стойке «смирно» Тарасова. – Ты у меня под трибунал пойдёшь! На пять лет сядешь!

Джипы сорвались с места.

Толстый капитан бросился к своей машине, и через несколько секунд рёв машин кортежа стих за поворотом.

Разбираться, почему асфальт перед «Хорьхом» стал на несколько мгновение тёмным и влажным, никто не стал.

На мосту остался лежать перевёрнутый помятый «Хорьх», сидящий на корточках у машины с отвисшей челюстью водитель президентского автомобиля и «ремонтники» у своих механизмов.

Плюс грузовики и легковушки с высунувшимися в окна головами водителей.

– Проезжайте! – махнул жезлом сориентировавшийся Доктор.

– Уходим! – коротко скомандовал Тарасов в усик рации.

– Вариант? – уточнил Доктор.

– «Транзит».

По этому варианту группа пересекала границу Хосова и Македонии и улетала из Скопье в Турцию, откуда по проверенным каналам должна была добираться домой.

Тарасов не сильно рисковал, надеясь, что грозному капитану полицейского сопровождения, чтобы проверить своих подчинённых на мосту, понадобится больше времени, чем десанникам, чтобы убраться из опасной зоны. Документы у них были на руках, а от Урошеваца до Скопье было всего шестьдесят километров, при благоприятных обстоятельствах – полчаса пути.

– Поехали, – согласился Доктор, сделав в уме тот же расчёт.

Через минуту «полицейские» и «дорожные рабочие» ехали в пикапе к Урошевацу. По пути переоделись, и в город въехали уже «немецкие туристы», изменившиеся до неузнаваемости.

Поскольку навстречу за это время не промчалась ни одна полицейская машина, Тарасов сделал вывод, что толстяк-капитан не успел связаться с двенадцатым батальоном автоинспекции Хосова, чтобы дать команду проверить полицейских на мосту.

Вариант отхода был выбран правильно.

Доктор, сидевший в «Боинге» чуть впереди и посматривающий на командира через голову Носа, ответил на его взгляд поднятием большого пальца. Похоже, он понимал Тарасова с полувзгляда.

Через двадцать минут, сменив пикап на немецкий «Фольксваген Туарег», они прошли пограничный пункт и таможню на границе Хосова с Македонией, а ещё через двадцать минут высадились в аэропорту Скопье.

Самолёт начал готовиться к взлёту в двенадцать часов тридцать минут по местному времени. И только тогда Тарасов получил сообщение по рации, что Тачима Хаши поместили в реанимационную палату в американском госпитале на базе в Урошеваце.

Доктор оглянулся.

Тарасов наметил слабую улыбку, подумав, что новый боец группы отлично показал свои возможности.

Кирилл понимающе подмигнул, склонился к сидящему рядом Носу, передавая ему, очевидно, успокаивающий жест командира.

Уже в Турции, после приземления, стало известно, что президент Хосова Тачим Хаши скоропостижно скончался от остановки сердца.

Одним террористом, пришедшим к власти на крови и на чужих штыках, в мире стало меньше.

Санкт-Петербург Буй-тур

Получив задание подготовить систему тайной охраны петербургского международного форума «Гиперборея – Арктида – Арьяварта», Гордей Буй-Тур быстро передал свои полномочия и воеводские дела заместителю и отбыл в Санкт-Петербург с группой поддержки.

Бывшему подполковнику Национальной гвардии некого было предупреждать о командировке и успокаивать, равно как и долго собираться. Дожив до тридцати восьми лет, он так и не женился, полагая, что семейная жизнь требует внутренней готовности к ней и особого отношения к женщине: не как к поставщику сексуального наслаждения, а как к берегине, дарине и продолжательнице рода.

Показная «любовь» нынешней молодёжи, как и герою ремарковского романа «Три товарища», ему претила.

Так же, как и он, Гордей презирал все эти «туповато-блаженные прижимания» и поцелуи у всех на виду, непристойное баранье счастье, не способное выйти за пределы данного момента вожделения, ненавидел маслянистые расплывчатые взгляды «влюблённых».

Ему было противно слушать болтовню о «слиянии воедино влюблённых душ», о «вечном единении», поскольку он считал, что надо чаще разлучаться, чтобы ценить новые встречи и поддерживать напряжение и горение любви.

Впрочем, это была его личная философия, порождённая отношениями отца и мамы, которые часто разлучались и проявляли при встречах самые настоящие взрывы чувств, что не могло не сказаться и на мировоззрении их сына.

Однако не все женщины, которые ему нравились, терпеливо принимали философию Гордея. Поэтому пока ни одна подруга не стала его женой, а он упрямо гнул свою линию и оставался принципиально одиноким, ожидая встречи с той, единственной, которая позовёт за собой и заставит изменить собственные целевые установки и взгляды на совместную семейную жизнь.

Правда, внешность свою он изменил сам, без всякого давления со стороны, хотя и не для того, чтобы казаться красавцем.

Во-первых, стал наголо брить голову.

Во-вторых, завёл усы и бородку.

В-третьих, начал носить серьгу в ухе. Сначала – как украшение, потом – как наушник рации, замаскированный под серьгу.

Родарев, которому Буй-Тур подчинялся как воевода Рати ВВС, сначала отнёсся к его новому имиджу отрицательно, потом присмотрелся и махнул рукой.

– Ты выглядишь как моджахед, но, возможно, в будущем нам пригодится подобная экзотика.

В Питере Буй-Тур устроился в мини-гостинице «Невский двор» недалеко от железнодорожного вокзала, на площади Восстания, прогулялся по «культурной столице» России, как называли город сами петербуржцы, и выслушал доклады подчинённых.

Все пятеро расположились в частном секторе на окраинах Санкт-Петербурга, то есть сняли комнаты в старых домах. Работать это не мешало, светиться по гостиницам не рекомендовал сам смысл предстоящей работы, а для оперативных встреч Родарев выделил квартиру, принадлежащую функционалам СОС в Питере, расположенную на Литейном проспекте.

Вместе с Гордеем в город прибыли все его бывшие подчинённые, по тем или иным причинам уволившиеся из Национальной гвардии России: Влад – лейтенант Косарев, Олег – лейтенант Тюхин, и Борис – прапорщик Полтавский. Кроме этого, группе были приданы из под-

разделений ППП поручики Устин Снытьев – Ус и Николай Голубев – Ник. Отбирал их в группу сам Буй-Тур, будучи воеводой Рати, поэтому без колебаний мог положиться на новобранцев.

Работу начали вечером первого июня: познакомились со зданием бывшего Университета сетевых коммуникаций, в котором должна была состояться конференция, и начали изучать состав делегаций.

Уже было известно, что в форуме примут участие двадцать две делегации из разных стран, в том числе из Канады, США и даже из Азии: о своём желании приехать заявила группа тибетских монахов. Всего же набиралось более двухсот человек, любой из которых мог быть посланцем Геократора или Союза тайных Орденов. Их надо было вычислить до начала заседаний конференции, для чего требовалось время, терпение и наблюдательность. Плюс разведанные от зарубежных источников, работающих на Вечевую Службу.

Конечно, кроме группы Буй-Тура, в этом процессе участвовали и наблюдатели СОС, пользующиеся своими информационными каналами. Именно на них лежала ответственность за идентификацию агентов Акума и Тивела. Однако и Буй-Тур хорошо понимал свою задачу, давая инструкции бойцам группы с таким расчётом, чтобы они не ослабляли внимание ни на минуту.

Роль группы состояла в том, чтобы после выявления сексотов СТО обезвредить их до того, как они устроят какую-нибудь провокацию и сорвут конференцию. Охранять же сам форум должна была местная служба охраны, ОМОН и сотрудники ФСБ, среди которых находились и подчинённые Родарева, служащие на двенадцатой базе Управления спецопераций.

Ночь и следующий день прошли тихо и мирно.

Вечером второго июля бойцы группы собрались на конспиративной квартире и доложили Буй-Туру о своих наблюдениях, впечатлениях и выводах. Все предложения были конкретными и точными, что говорило о готовности группы выполнить задание.

– Получено предупреждение, – сказал Буй-Тур, – о регистрации на форуме известных европейских и наших доморощенных правозащитников. А вы должны быть в курсе, как они люто ненавидят Россию и готовы с пеной у рта отстаивать права подонка, лишь бы тот был нашим врагом.

– У нас за рубежом и так нет друзей, – хмыкнул белобрысый, похожий на студента Влад, – одни враги. В крайнем случае временные партнёры.

– Это правда, – согласился Буй-Тур. – Но мы не должны давать им ни одного повода, чтобы гости возбудились и призвали Россию к очередному ответу. Поэтому работать придётся ювелирно.

– Почему бы не спустить на них милицию?

– И что мы ей скажем? Агенты Акума являются официальными представителями каких-то институтов. Только мы знаем, что они есть на самом деле.

– Справимся, командир, – проворчал Олег. – Хотя я тоже правозащитников не люблю, несмотря на их благородную миссию. Я читал, что они горой стояли за отмену смертной казни, когда решался этот вопрос. И до сих пор защищают убийц и бандитов.

– Они, видите ли, считают, – добавил Борис, – что преступник в камере будет больше мучиться. А ведь главное – он будет жить, сволочь! В то время как его жертвы мертвы.

– Отставить философию, – поднял ладони Буй-Тур. – Мы не на занятии в школе. Вопросы по существу есть?

– Мне не понравился один тип, – сказал Борис. – Представляет Финляндию, но не финн.

– Отто Мандель, – кивнул Ус. – По документам он монах, а по роже – бандит.

– Ориентировку на него нам уже передали. С завтрашнего утра возьмём его под плотный контроль. Если он не тот, за кого себя выдаёт, наверняка занервничает. В списках есть ещё несколько лиц, требующих идентификации. Кроме того, зарегистрировался архимандрит Неохристианской церкви Лукьяневский.

– Маршал российского ордена Власти, – пробормотал Ник.
– Совершенно верно. А поскольку он зарегистрировался открыто, как докладчик, командовать парадом назначен не он.

– Всё равно надо за ним походить.

– За ним будут ходить другие люди. Итак, если всем всё понятно, отдыхайте. Завтра начнём.

Расходились по одному.

Буй-Тур запер квартиру, спустился во двор старого шестиэтажного здания, построенного сразу после войны.

Лето в этом году выдалось ненастное, с частыми дождями, хотя температура воздуха не опускалась ниже двадцати градусов. Иногда в центральные районы России приходила жара, на три-четыре дня, таяла на севере, подпираемая холодными антициклонами, и тогда в Санкт-Петербурге неделями держалась хорошая сухая погода.

Этим вечером второго июля как раз и началась такая тёплая полоса, вызвавшая оживление среди молодёжи, потянувшейся в скверы и парки, и на набережные Невы.

Буй-Тур, которому на ум пришли подобные соображения при виде пробежавшей мимо стайки девушек (его покорило от мата, через слово употребляемого подружками), улыбнулся (и огорчился одновременно), предаваясь философскому настрою, зашагал через арку на улицу. Увидел прижавшуюся к стенке девчонку, двух парней, кивнул сам себе, признавая правильность собственной оценки действительности: жизнь брала своё, подчиняя человека зовам будущего, властно утверждая законы страсти и любви.

И вдруг ему показалось неестественным поведение парней.

Они явно не давали девчонке – лет восемнадцать, не больше (под аркой царил сумрак, однако Гордей хорошо видел в темноте) – пройти, хватая её за руки и плечи. Почему она при этом не кричала и не звала на помощь, а только пыталась оттолкнуть руки и вырваться, Гордей не понял, зато понял, что девчушка в беде.

– Эй, гренадёры, – негромко сказал он, приближаясь. – Давайте-ка без рук. По-моему, она не хочет с вами беседовать.

Оба оглянулись.

Один был широк, имел пузо и руки-грабли, свисающие ниже колен.

Второй, смуглолицый, небритый, с чёлочкой, одетый в спортивные штаны и майку неопределённого цвета, на интеллигента тоже не тянул. По морде он был самый настоящий бандит, не боящийся ни бога, ни чёрта. Глаза у него были шальные и больные.

– Проходы мимо, дядя, – прохрипел он с акцентом. – Этот тёлка нам должен.

Второй заржал, показав гнилые зубы.

Гордей покачал головой, стараясь быть вежливым.

– Улыбаясь, друг мой, вы делаете свои зубы беззащитными.

– Чего?

Гордей протянул руку девушке.

– Идите сюда, мадмуазель. Я провожу вас до дому.

Девушка освободилась от руки смуглолицего и тенью перелетела арку, спряталась за спиной Буй-Тура.

Парни переглянулись, находясь в явной растерянности.

– Ты чего, мужик, офонарел?! – с угрозой пробасил пузатый амбал. – Жить надоело?!

– Жизнь – штука сложная, – сказал Гордей, по-прежнему настроенный философски. – То одним боком повернётся, то другим. Сегодня она предлагает вам мирно отправиться по домам.

– Вот козёл! Совсем ошизел! – Пузатый двинулся к нему, раскрывая объятия, словно борец на татами. Возможно, он и в самом деле был когда-то борцом.

Буй-Тур сдвинул брови.

– Это только кажется, что я козёл. На самом деле я гораздо хуже. – Он повернулся к девушке. – Пойдёмте, барышня. Где вы живёте?

– Здесь, в двенадцатом. – Глаза незнакомки расширились, она увидела движение черного парня. – Осторожнее, он...

Буй-Тур, не оборачиваясь, нанёс парню, вытащившему нож, короткий и точный удар в нос. Перехватил руку второго, ощущая его бычью силу, крутанулся на пятках и впечатал парня спиной в шербающую кирпичную стену арки.

Амбал приложился затылком о кирпич, хрюкнул и сполз на асфальт.

Его напарник, выронив нож, присел на корточки, взявшись за разбитый нос.

Гордей, косо глянув на обоих, сделал приглашающий жест:

– Идёмте же.

Девушка, широко раскрыв глаза, посмотрела на парней, перевела взгляд на Буй-Тура, не потерявшего своей меланхоличности, передёрнула плечиками и поспешила во двор дома, прижимая к груди сумочку и красную кожаную папочку.

Гордей последовал за ней.

– Надеюсь, они не входят в число ваших друзей?

– Нет-нет, – торопливо сказала она.

– Чего они хотели?

– Так... ничего.

– Понятно. Почему же вы не крикнули, не позвали на помощь? Испугались?

– Нет, я таких не боюсь. Боги их накажут.

– Боги? – поднял брови Гордей. – Вы верующая?

– Я почитаю славянских богов.

– Язычница, значит?

– Нет, не язычница. – Она остановилась у двери крайнего подъезда; дом был тот же самый, где группа Буй-Тура имела конспиративную квартиру, и он подивился такому совпадению. – Извините, я дошла. Благодарю за помощь.

– Как тебя зовут? – перешёл на «ты» Буй-Тур, зная, что все старые славяне не употребляли местоимение «вы».

Брови девушки изогнулись.

– Аглая. Вы... ты тоже из наших?

Буй-Тур хотел отшутиться, спросить, кого она относит к «нашим», но вместо этого сказал:

– Из ваших. Меня зовут Гордей... Миронович. В следующий раз не стесняйся, зови на помощь во весь голос. Такой отморозок, – он кивнул на арку, – мог запросто пырнуть ножом.

– Хорошо. – Девушка кивнула и скрылась за дверью подъезда.

Буй-Тур постоял немного, задумчиво склонив голову набок, потом неторопливо пошёл обратно, вспоминая лицо новой знакомой с необычным именем Аглая, её жесты, фигуру, голос. Красавицей назвать её было нельзя, но что-то в ней крылось, притягивающее взор, вызывающее желание продлить знакомство, и сердце невольно «оглядывалось», огорчённое слишком кратким визуальным контактом.

Хулиганы, напавшие на Аглаю, уже ретировались, впечатлённые аргументацией Буй-Тура. Не встретились они и на улице, решив не испытывать судьбу. Гордей даже испытал лёгкое разочарование, предполагая, что пара наглецов попытается отомстить ему каким-нибудь образом. Однако мстить они не стали.

В гостиницу он вернулся в начале первого, постоял под душем, глотнул минералки и блаженно вытянулся на чистой кровати. Перед глазами проплыло милое, простодушно-удивлённое лицо Аглаи, её тёплые карие глаза, и он уснул.

На следующее утро группа приступила к выполнению своих обязанностей.

В десять часов утра в главном зале института состоялось открытие конференции, на котором официальную речь произнёс недавно избранный мэр Санкт-Петербурга Голицын. После этого начались выступления прибывших на форум историков, археологов, эзотериков и учёных в разных областях науки. Были и физики, и психологи, и астрономы, изучающие феномен развития и угасания на Земле древних цивилизаций.

Толкнул речь и настоятель Русской Неохристианской Церкви Лукьяневский, громадный, толстый, с бородой, колечком соединявшейся с усами, похожий на древнего монгольского божка У-хууна. У него была большая круглая голова, волосы ёжиком, обрюзгшее лицо и маленькие, блеклые, водянистые глазки.

Буй-Тура он не заинтересовал. Несмотря на принадлежность этого «церковного деятеля» к Союзу тайных Орденов, ничего значительного и опасного внутри него не просматривалось. Он верой и правдой, в силу своего понимания, служил жрецу Акуму и не жаждал выйти в мировые лидеры. Возможно даже, что он был зомбирован подручными лорда, как и многие политические деятели Европы.

Зато Отто Мандель, посланец финской епархии Православной Церкви, и он же – магистр ордена Раздела, произвёл на Буй-Тура неизгладимое впечатление.

Во-первых, магистр был молод, ощутимо силен, ходил упруго, как спортсмен-гимнаст, и мгновенно реагировал на любой заинтересованный взгляд. Во всяком случае, он сразу оглянулся на Гордея, когда тот обратил на «финна» внимание.

Взгляд у Манделя был умный, острый, оценивающий и вспыхивал иронией, словно он абсолютно точно знал, кто такой Буй-Тур и что здесь делает.

Во-вторых, посланец Акума был опасен. От него исходила волна безграничной уверенности в себе и жестокой целенаправленной воли. Магом, по информации Буй-Тура, он не являлся, однако был учеником Акума и скорее всего владел кое-какими элементами нейrolингвистического программирования, что почти ничем не отличалось от мысленно-вербального магического оперирования.

К обеду бойцы Буй-Тура установили наблюдение за всеми возможными источниками провокационных акций.

Их оказалось шесть. Самыми опасными среди них были магистр Мандель и корреспондент газеты «Европейский вестник» литовец Канчельскис, известный своими эпатажными выступлениями и злобными репортажами, в которых почти не встречалось объективных оценок происходящего.

Манделя взял под наблюдение Буй-Тур.

Лукьяневского начал «пасти» Борис.

Канчельскиса поручили Нику, хорошо знавшему литовский язык и методы работы провокаторов, каким и являлся на самом деле Зигфрид Канчельскис.

Форум между тем продолжался.

Наиболее интересными оказались доклады русских полярников во главе с академиком Ченгаровым, открывших на дне Северного Ледовитого океана развалины древнего города: обработанные гладкие прямоугольные плиты и блоки. Кроме как легендарной Гиперборее, город этот никому больше принадлежать не мог.

В дополнение к этому открытию прозвучало сообщение археологов об открытии на Земле Франца-Иосифа экспедицией Академии наук следов поселений десяти тысячелетнего возраста.

Но самым сенсационным явилось короткое сообщение известного исследователя русского Севера, историка, этнографа и археолога Вишневого, работающего в Красноярском институте историко-архивных исследований. Ссылаясь на своих коллег из геологического института, Вишневский заявил о находке необычного физического объекта на Чукотке, в районе посёлка Энурмино, названного водяной Опухолью. По мысли Вишневого, Опухоль пред-

ставляла собой продукт деятельности древних арктов, сохранившийся со времён погружения остатков Гипербореи на дно океана.

Буй-Тур, точно знавший, что водяные Опухоли – продукт эксперимента Тивела в пещерах Гренландии, тут же сообщил о докладе Белогору, предположив, что произошла утечка информации. И не ошибся.

– Да, проворонили, – согласился князь. – Наши люди не проверили информативную ёмкость докладов. С другой стороны, миру уже известен феномен Опухолей, поэтому ничего особенного не произошло. У вас появилась возможность оценить интерес к Вишневному тех деятелей, которых мы знаем как пособников Акума и Тивела. Вишневного возьмите под плотный контроль. Не исключено, что Лукьяневский или Мандель захотят узнать больше.

– Возьмём, – пообещал Буй-Тур.

После обеда он пошёл на очередное слушание и на лестнице нос к носу столкнулся с девушкой, которой вчера вечером помог избавиться от пары грабителей.

– Аглая? – не поверил он. – Здравствуй.

– Ой, это вы? – ответно удивилась она. – Гордей Миронович?

– У тебя хорошая память. Но ведь мы уже были на «ты», помнится мне.

– Я растерялась просто, – смутилась девушка. – А что ты здесь делаешь?

– Тот же вопрос я хотел задать тебе.

– Я участница конференции, готовлю выступление.

– Вот как? А по возрасту ты должна учиться в школе.

– Мне уже девятнадцать, я учусь на втором курсе Московского инженерно-физического института.

Буй-Тур хмыкнул, озадаченный известием.

– Раньше я угадывал возраст людей безошибочно. Каким же образом физика и Гиперборея уживаются в одном сосуде?

– Мой папа возглавляет Общество по изучению гиперборейского наследства, я ему помогаю.

– Ни разу не слышал о таком Обществе. А кто твой папа?

– Доктор исторических наук, работает старшим научным сотрудником историко-архивного института.

Буй-Тур напряг память.

– Гамаюн Антон Анурьевич?

Роскошные ресницы Аглаи сделали взмах.

– Ты его знаешь?

Гордей рассмеялся.

– Запомнил фамилию, редкая и необычная.

– Мой дед – старовер, на Севере живёт, на Кольском полуострове. А его дед из переселенцев, хотя это и не нация. Извини, мне нужно идти, скоро выступаю.

– Иди, конечно. – Буй-Тур спохватился. – А что ты вечером делаешь? Может, посидим здесь в кафе? Расскажешь о своей работе.

– Разве ты не будешь на моём выступлении?

– Не знаю, если работа позволит.

– Значит, ты не докладчик?

– Я защитник, – серьёзно сказал Буй-Тур. – Но ты меня заинтересовала. Как называется твой доклад?

– «Россия – душа Мира».

– О! – Гордей с любопытством посмотрел на строгое лицо девушки, на котором проступило выражение сосредоточенности. – Не боишься, что найдутся оппоненты и обольют грязью?

– Не боюсь! – Брови Аглаи сдвинулись. – Россия действительно душа Мира, его надежда и опора. Мы, живущие на её святой земле, всегда в поиске: истины, правды, справедливости и лучшей жизни. Наше время – вечность! Наши пределы – Вселенная!

– Ух, ты! – добродушно крякнул Буй-Тур, погладив ладонью затылок. – Глобально мыслить!

– Ты против?

– Ни в коей мере.

Лицо Аглаи просияло; было видно, что она очень искренний и простодушный человек.

– Приходи, начало моего выступления в три часа.

Взмахнув рукой, она убежала, тонкая, светлая, тёплая, увлечённая делом.

Буй-Тур долго смотрел ей вслед, размышляя, почему она ему нравится, потом услышал щелчок вызова и очнулся.

– Слушаю.

– Вишневский выходит из здания, за ним топают два амбала весьма определённого вида, – заявил Ник.

Буй-Тур отбросил лишние мысли.

– Куда он направляется?

– Садится в такси.

– А «топтуны»?

– Садятся в джип.

– За ними! Я пока соберу группу.

– Ок.

Группа собралась за две минуты.

Буй-Тур объяснил всем ситуацию, оставил Уса на конференции, приглядывать за интересующими группу лицами, и они сели в белый микроавтобус «Березань», приданный группе для проведения необходимых мероприятий.

Мощный «Ауди RS6», на котором Ник отправился вслед за Вишневским, принадлежал ему самому. На нём бывший спецназовец приехал в Питер из Москвы.

Уже через несколько минут Ник сообщил:

– Проехали Исаакий, движемся на ту сторону Невы.

– Принял, – отозвался Буй-Тур. – Не упускай их из виду. Мы в пяти минутах от вас.

Он неплохо знал город, но за рулём минивэна сидел Олег, который здесь родился и знал Санкт-Петербург как свои пять пальцев.

Ник заговорил, когда машина пересекла Троицкий мост:

– За такси Вишневского следуют уже две тачки, джип «Кашкай» и чёрный «семисотый» «мерин».

– Уверен?

– Обижает, начальник.

– Кто это может быть?

– Не знаю.

– Держись в тени, не высывайся.

– Знамо дело.

– Две тачки – это уже акцентация, – проворчал Борис; рации членов группы работали на одной волне, и все слышали переговоры.

Буй-Тур промолчал, хотя думал о том же: целенаправленное выслеживание и сопровождение объекта двумя машинами говорило о подготовке к операции по его задержанию или устранению.

Проехали Приморское шоссе, свернули направо, в сторону Выборга. Через четверть часа Ник доложил:

– Переехали мост, свернули с трассы налево, здесь какой-то городок.

– Комарово, – сказал Олег.

– Следуй за ними тенью!

– Крадусь аки невидимка. Тут какой-то переулочек с глухими заборами, свернули направо... проехали магазин «Продукты».

– Жми, – коротко приказал Олегу Буй-Тур.

«Березань» увеличила скорость.

Свернули перед носом отчаянно сигналившей фуры, промчались по улице между заборами, миновали продуктовый магазинчик и увидели «Ауди» Ника.

Олег притормозил в полусотне метров от «Ауди».

– Здесь они, остановились возле старой двухэтажки за углом, – доложил Ник. – Вишневецкий вошёл в подъезд, двое «топтунов» из джипа двинулись за ним.

– Что «мерин»?

– Стоит... погодите-ка... кто-то выползает... – Послышался тихий присвист. – Офигеть!

Знаете, кто это?

– Дурацкий вопрос.

– Мандель!

Сидевшие в микроавтобусе переглянулись.

Прав был князь, подумал Буй-Тур, магистр заинтересовался сообщением Вишневецкого, хочет узнать подробности.

– Выходим.

Бойцы покинули минивэн.

Двое сразу перешли на другую сторону улицы, Буй-Тур и Олег направились к двухэтажному жилому дому, неизвестно как уцелевшему среди новостроек Комарова.

– Ник, проверь, кто остался в джипе и в «мерине».

Из «Ауди» выбрался нескладный с виду Николай Голубев, достал пачку сигарет, похлопал по карманам, подошёл к «семисотому» «Мерседесу», показал сигарету.

Водитель роскошной иномарки с агрессивно-спортивными обводами остался сидеть за рулём, неподвижный как монумент. Буй-Тур разглядел его, похожего на тяжелоатлета, несмотря на тонированные стёкла.

Ник пожал плечами, направился к джипу.

Его водитель тоже не прореагировал на жест, означавший просьбу прикурить, и раздражённый Ник двинулся к подъезду дома.

– В «мерине», похоже, один водила, в «Кашкае» водила и ещё кто-то на заднем сиденье. Не то баба, не то мужик, плохо видно.

– Иди в дом.

– Иду.

Ник скрылся за дверью, почему-то не снабжённой устройством домофона.

– Влад, останешься снаружи, следи за тачками. Остальные по одному за мной.

– Не возбудились бы.

– Дашь знать. Борис, возьми «ТГ», я возьму «СЭР».

Оружие они с собой не брали, зато взяли спецаппаратуру: «ТГ» или «третий глаз» – микроволновой интроскоп для просвечивания стен зданий и прослушивания разговоров, и «СЭР» – сканер электронной разведки, способный определять живую силу противника и тип оружия, которым тот владеет.

Вошли в здание.

– Всё тихо, – встретил их Ник. – Постоял перед дверями, нигде ничего не слышно.

Буй-Тур вынул из кармана летней курточки небольшой тубус «СЭРа», выдвинул антенны, вдавил кнопку.

Борис надел наушники, включил свой «третий глаз», похожий на фонендоскоп, направил чашку антенны на первую дверь. Постоял, ворочая прибором, отрицательно качнул головой.

Буй-Тур, поглядывающий на развернувшийся экранчик «СЭРа», ткнул пальцем в соседнюю дверь.

Проверили все три квартиры на первом этаже, поднялись на второй.

Борис поднял вверх палец.

Все замерли.

Буй-Тур кивнул. В растворе экрана зашевелились бесплотные зеленоватые тени. Сканер насчитал в квартире пять человек, причём пятый то возникал, то исчезал как призрак.

– Что слышно? – одними губами спросил Гордей.

– Один что-то говорит торопливо... стук... бьют его, что ли? Второй спрашивает... голос глухой... кто возглавлял экспедицию?... удар... что-то упало... где точно нашли водяную Опухоль, координаты?

– Мандель! – прошептал Влад.

– Входим! – сжал зубы Буй-Тур. – Телохранов Манделя успокаиваем сразу, чтобы у него не возникало ложных надежд. Его я беру на себя. Дверь!

Олег ощупал ручку обитой коричневым дерматином двери, осмотрел замок.

– Английский, старый. Влад, помоги.

Влад взялся за ручку двери, Олег просунул в щель лезвие ножа, тихо нажал. Влад дёрнул за ручку, распахивая дверь, и группа ворвалась в квартиру.

Буй-Тур вошёл последним, готовый действовать по обстоятельствам.

Амбалы, прозванные Ником «топтунами», следившие за Вишневым, отреагировали на появление оперативников Буй-Тура запоздало. Влад и Олег чисто взяли их «на удар», и оба улетели в глубь гостиной, сбивая стулья и чашки со стола.

В гостиной, кроме них, находилось ещё трое мужчин.

Один был сед, стар и немощен. Он полулежал на диване, одетый в пижаму, и держался за ухо. Его Буй-Тур не знал. Очевидно, это был хозяин квартиры.

Вишневский, багровый и потный, в строгом кремовом костюме, сидел на стуле, держась за живот.

Мандель, высокий, черноволосый, с непроницаемым лицом, стоял напротив, сложив руки на груди. Появлению оперативников он ничуть не удивился, словно ждал их, и в глазах магистра прыгали насмешливо-ироничные искры. Проводив глазами упавших парней, он не сделал ни одного движения, лишь перевёл взгляд на вошедшего в гостиную Гордея.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга.

– Воевода, – растянул губы в странной усмешке Мандель.

– Магистр, – сказал Буй-Тур, дёрнув уголком губ; тому, что Мандель знал его звание, он не удивился.

Мандель, не разнимая рук на груди, поклонился.

– Мы тут беседуем.

– А я думал, вы плюшками балуетесь.

Мандель поднял брови. Мультфильм «Малыш и Карлсон» ему, очевидно, знаком не был.

– Не понял шутки. Вы нам мешаете, воевода. Не соблаговолите ли покинуть квартиру? Вы нарушили территориальную целостность частного владения.

По-русски магистр ордена Раздела говорил бегло, хотя и с лёгким акцентом.

– Хозяин тут не вы, – качнул головой Буй-Тур. – Так что предлагаю вам соблаговолить покинуть помещение.

Мандель поиграл бровью.

– Вас всего четверо, и вы не витязи.

– Вас и того меньше, гость незваный, а нас – Рать. Хотите убедиться?

По губам Манделя снова скользнула косая усмешка. По-видимому, скрытый смысл словосочетания «нас – Рать» он понимал.

– Ваша команда не работает на госструктуру. Я могу вызвать милицию...

– Вызывай, мы подождём, – равнодушно сказал Буй-Тур.

Наступило молчание.

Амбалы Манделя очнулись, заворочались на полу, начали вставать. Один сунул лапу под мышку.

Буй-Тур наставил на него палец:

– Не делай лишних телодвижений, малыш, останешься цел. – Перевёл взгляд на Манделя. – Магистр, мы оба понимаем, что происходит. У тебя ровно минута, чтобы уйти самому и увести своих шестёрок. Не уберёшься подобру-поздорову, здесь появится другой спецназ. Устраивает тебя такой вариант?

Мандель перестал излучать иронию. Бросил взгляд на Вишневого, на старика, на Буй-Тура.

– В принципе я выяснил, что хотел. Но тебя я...

– Магистр, – поморщился Гордей, – я же не детским садом заведу. Это моя земля, мой город, моя родина, и защищаю я своих людей. Увижу ещё раз, что ты ходишь за нашими учёными, в Европу тебя увезут в цинковом гробу.

Глаза Манделя сверкнули.

– Ты мне угрожаешь?!

– Предупреждаю.

Несколько мгновений Мандель смотрел на Буй-Тура горящими страшными глазами, потом улыбнулся... и растаял в воздухе, возник уже у выходной двери.

– До встречи, воевода.

Исчез.

Дверь слегка шевельнулась, но осталась закрытой, словно магистр прошёл сквозь неё.

Спутники Манделя трусцой выбежали следом.

Оперативники Гордея переглянулись.

– Ни хрена себе! – пробормотал Влад.

– Они уезжают, – доложил Ник с улицы.

– Пусть. – Буй-Тур повернулся к Вишневскому. – Извините, доктор, что мы опоздали.

Чего они от вас добивались?

Вишневский смахнул пот со лба, улыбнулся дрожащими губами.

– Про Опухоли спрашивали, где да что. А вы кто? Из ФСБ?

Буй-Тур дал своим команду выходить.

– Надеюсь, больше они сюда не сунутся. Вот телефон. – Он подал учёному визитку с именем и отчеством «Сан Саныч». – Заметите, что за вами следят, позвоните.

– Да зачем кому-то за мной следить? – неуверенно проговорил Вишневский. – Я к учителю приехал, давно не виделись.

– Этот тип следил за вами тем не менее и хотел узнать об открытии Опухолей детально.

– Попросил бы на конференции, я дал бы ему диск. Кто он?

– Враг! – коротко ответил Буй-Тур. – Будьте осторожнее. До свидания.

Он вышел вслед за оперативниками, унося с собой два растерянных взгляда ничего не понимавших мужчин.

Чукотка Кожухин

Такого удовольствия, с каким он занимался изучением Опухоли, Мирослав прежде не испытывал никогда.

Первые два дня прошли как во сне, в лихорадочной спешке установки аппаратуры и съёма параметров среды.

Затем ритм работы замедлился, геологи успокоились, Веллер-Махно составил график использования вертолётки каждым из членов экспедиции, и Кожухин мог теперь лишь раз в два дня вылетать к Опухоли, чтобы визуально контролировать изменения геометрии водяной горы и снимать показания ранее установленных на островках вокруг Опухоли датчиков.

Опухоль практически не изменялась, только «дышала»: то слегка приподнималась вверх – на два-три метра, то чуть уменьшалась. Взять пробы воды непосредственно из её глубин по-прежнему не удавалось. Однако с некоторых пор на её поверхности после интерференционного волнения рождались водяные капли размером с голову человека, скатывались к основанию, и Мирославу однажды удалось вовремя подоспеть к этому месту на каяке охотников-эскимосов и добыть драгоценную пробу.

Вода оказалась вполне нормальной по всем показателям, кроме одного: она была поликристаллической. Её молекулы соединялись в гексагональные текучие структуры, которые долго держали эту удивительную форму. Пробовать воду на язык Мирослав не решился, чувствовал, что ни к чему хорошему это не приведёт.

Эскимосы, с которыми он сдружился, перестали относиться к Опухоли как к хищному зверю, хотя и поговаривали о Великом Духе Анирниалуке, о демоне Туурнгаите и водном боже-стве Аппалувика, за дом которого они и принимали Опухоль. Именно они первыми увидели вторичные эффекты, сопровождавшие жизнь гигантской водяной капли, выдавленной из недр земли какими-то процессами. Оба много раз проплывали с опаской мимо Опухоли к выходу из залива, где охотились на нерп, когда их помощь Мирославу была не нужна, и рассказали ему сначала о «глазе Аппалувика», разгоравшемся внутри горы, а потом о «танцах духов».

«Танцы духов» оказались струйками воздушных пузырьков, поднимавшихся из глубин Опухоли к её вершине. Мирослав впоследствии не раз любовался такими струйками, в принципе ничего особенного собой не представлявшими. Подобные очереди воздушных пузырьков часто можно было наблюдать и в приповерхностном слое обычной морской воды. Единственное, что их отличало от нормальных пузырей, – величина. Они были с кулак человека и больше, всплывали медленно и торжественно и казались шарами из жидкого серебра.

А вот «глаз Аппалувика» Кожухина озадачил.

Под вечер на боку Опухоли появлялось пятно свечения эллиптической формы, с чёрным пятнышком внутри, напоминавшим зрачок. И весь овал действительно сильно смахивал на глаз, угрюмо наблюдавший за морем, скалами и лагерем геологов.

Мирослав даже выпросил у Веллера-Махно вертолёт для близкого знакомства с «глазом».

Наталья, также заинтересованная явлением, подвесила машину в пяти метрах от склона Опухоли, геофизик направил на «глаз Аппалувика» все имевшиеся у него на руках приборы: радиометр, термодинамический анализатор, магнитный сканер и спектрометр, – но пятно тут же погасло, а приборы так ничего и не успели зафиксировать. Причина свечения воды в форме глаза осталась неразгаданной.

Лишь позже, после возвращения, Мирослав вспомнил свои ощущения в момент замера (тогда он был очень занят работой и не отвлекался на собственные переживания) и поёжился:

«глаз» смотрел на него! На вертолёт. На небо и море. И ему не нравилось, что люди приближаются к Опухоли вплотную.

Химчук, дежуривший у костра в этот день, заметил его застывший взгляд:

– Что новенького увидел?

Мирослав оглянулся на остывающую глыбу вертолёта. Захотелось спросить у Натальи, чувствовала ли она что-нибудь подобное, но его отвлек запах варева: проснулся аппетит.

– «Глаз» этот какой-то странный... такое впечатление, что Опухоль смотрит на тебя недовольно.

– Может, она живая? – пошутил геолог.

– Может, и живая, – рассеянно сказал Мирослав. – Что ты варишь?

– Уху, эскимосы рыбы наловили.

– А помидорчик украсть можно?

– Помидорчики здесь в дефиците. Скажи спасибо, что Наталья с собой сумку овощей прихватила. Возьми, раз хочется.

Мирослав отыскал дольку помидора побольше, сунул в рот.

– Люблю жёлтые, они слаще. В Испании в конце августа устраивают на улицах городов битву помидорами. Сумасшедшие люди, столько добра пропадает.

– Каждому свои праздники. Ты в Японии был?

– Нет.

– В третью субботу февраля по всей Японии празднуют Хадаку Мацури. Это самое холодное время на острове, и тысячи японцев в одних набедренных повязках бегают по улицам.

– Зачем?

– Среди них кто-то бегают совсем голый, и если удастся до него дотронуться, будешь целый год счастливым.

Мирослав засмеялся.

– Сказки.

– Не сказки, сам видел, хотя до голого так и не дотронулся.

Подошла Наталья, набрасывая на плечи меховую курточку: вечера и ночи здесь, хотя и относительные, были холодными, несмотря на лето и круглосуточное солнце.

– Что тебя развеселило?

– Японские праздники. Ты в Японии не была?

– В Китае была. – Девушка под села к костру. – Удивительная страна.

– Если бы не китайцы, – буркнул появившийся Дядька. – С одной стороны, трудоголики, с другой – сильно нечестный народ. Я как-то купил у одного китайца...

Химчук и Веллер-Махно, выглянувший из палатки, засмеялись. К ним присоединился Мирослав.

– Чего ржёте? – обиженно проговорил Дядька.

– Не все китайцы – продавцы некачественного ширпотреба, – покачала головой Наталья. – Что вы у него купили?

– Электрочайник с голосовым детектором.

– Хороший?

– На втором кипячении он стал хрипеть...

Химчук захохотал:

– И ругаться матом?

Снова все засмеялись.

– Да ну вас, – махнул рукой геолог.

Химчук похлопал его по плечу.

– Верю, у них вся техника на соплях.

– Вся не вся, но на Луну они полетели, – возразил Мирослав.

– На наших ракетах. Переделали чуть-чуть. И на самолётах наших же летают, слегка изменённых, да ещё и продают как свои.

– Им же надо как-то выживать? – пожал плечами Веллер-Махно. – Как-никак их уже почти два миллиарда.

– Во-во, а скоро вся земля будет населена одними китайцами. Чем не глобальная катастрофа? Польский учёный Пол Эрлих утверждал, что мир достиг пика сельскохозяйственного производства в тысяча девятьсот пятьдесят восьмом году. А через девятьсот лет на одном квадратном километре суши будут жить по сто человек.

– Одни китайцы, – фыркнул Химчук.

– Что вы к ним привязались? – улыбнулась Наталья. – Перенаселение – не самое страшное, что ожидает Землю. Угроз гораздо больше.

– Это каких же? – заинтересовался Дядька.

– Мало ли? Столкновение с астероидом, к примеру. Я читала, что в две тысячи двадцать девятом году астероид диаметром полкилометра пролетит рядом с Землёй. А если не пролетит, врежется? Будет всемирный потоп. Либо Земля превратится в пустыню. Эпидемии тоже возможны, новые болезни, вирусы из американских лабораторий.

– Почему из американских? – не понял Химчук.

– А из каких же? Доказано, что колорадский жук – их разработка, СПИД – тоже, птичий грипп, атипичная пневмония, болезнь Луксера и так далее.

– Ну, это если верить жёлтой прессе.

– Это не жёлтая пресса, – запротестовала Наталья. – Существуют доклады Европейской комиссии по здравоохранению, я читала.

– Да ладно вам спорить, – махнул рукой Мирослав. – Глобальные катастрофы действительно могут родиться от чего угодно. Даже от Опухоли. Откуда мы знаем, что управляет такими феноменальными процессами? Кто-то из философов предупреждал, что началась эпоха перелома в отношениях Земли и человечества, она начала нас сильно ограничивать, вот и усилились землетрясения, цунами, вулканизм, участились появления НЛО.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.